

ЭРИХ

ФРОММ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Эрих Фромм

Бегство от свободы

«АСТ»

1994

УДК 159.9
ББК 88.6

Фромм Э.

Бегство от свободы / Э. Фромм — «АСТ»,
1994 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-091681-8

Эрих Фромм – выдающий мыслитель XX века, один из основателей неотрейдизма. Работы Фромма пользуются широчайшей популярностью во всем мире – еще при жизни основные его труды, посвященные этическим и социально-психологическим вопросам природы человека, выдержали десятки переизданий миллионными тиражами. В своей знаменитой работе «Бегство от свободы» Эрих Фромм попытался разобраться, почему, несмотря на изобилие материальных благ и демократические достижения, люди все чаще испытывают соблазн отказаться от своей свободы в пользу политической диктатуры... превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат.

УДК 159.9
ББК 88.6

ISBN 978-5-17-091681-8

© Фромм Э., 1994
© АСТ, 1994

Содержание

Предисловие	6
Предисловие II	8
I. Свобода – психологическая проблема?	11
II. Возникновение индивидуальности и двойственность свободы	20
III. Свобода в век Реформации	27
1. Средневековые предпосылки Ренессанса	27
2. Период Реформации	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эрих Фромм

Бегство от свободы

Erich Fromm

ESCAPE FROM FREEDOM

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm and Annis Fromm и литературного агентства Liepman AG, Literary Agency

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Erich Fromm, 1941

© Перевод. А. В. Александрова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Если я не за себя, то кто за меня? Если я только за себя, то кто я? Если не сейчас, то когда?

Талмуд, Мишна, Абот.

Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь... О высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет.

Пико делла Мирандола

«Речь о достоинстве человека»¹.

Изменить можно все, кроме врожденных и неотъемлемых прав человека.

Томас Джефферсон

¹ Перевод Л. Брагиной.

Предисловие

Настоящая книга является частью обширного исследования, касающегося структуры характера современного человека и проблем взаимодействия психологических и социологических факторов, над которым я работаю уже несколько лет и завершение которого потребует значительно более длительного времени. Политические события настоящего времени и опасность, которую они несут величайшим достижениям культуры – индивидуальности и уникальности личности – побудили меня прервать работу над большим исследованием и сосредоточиться на одном аспекте, ключевом для культурного и социального кризиса наших дней: значении свободы для современного человека. Задача, стоящая передо мной в этой книге, решалась бы легче, если бы я мог отсылать читателя к завершенному исследованию структуры характера человека в нашей культуре, поскольку значение свободы можно полностью понять только на основании анализа целостной структуры характера современного человека. На данном этапе мне пришлось часто обращаться к некоторым концепциям и заключениям, не рассматривая их так полно, как я сделал бы, имея больше возможностей. Некоторые чрезвычайно важные проблемы я могу упомянуть только мимоходом или не упомянуть вовсе. Однако я чувствую, что как психологу мне следует безотлагательно предложить то, что я способен дать для понимания современного кризиса, даже если придется пожертвовать полнотой изложения ради заполнения важного пробела.

Указание на важность психологических соображений применительно к современной ситуации не означает, на мой взгляд, переоценки психологии. Основополагающий объект социального процесса есть индивид, его желания и страхи, его страсти и размышления, его склонность творить добро и зло. Чтобы понять динамику общественного процесса, мы должны понять динамику психологических процессов внутри индивида, также как для понимания индивида мы должны видеть его в контексте культуры, налагающей на него свой отпечаток. Суть этой книги заключается в том, что современный человек, освобожденный от оков до-индивидуалистического общества, которое одновременно обеспечивало ему безопасность и ограничивало его, не достиг свободы в позитивном смысле: реализации своей индивидуальности, т. е. своего интеллектуального, эмоционального и чувственного потенциала. Свобода, хотя она принесла ему независимость и рациональность, сделала его изолированным и тем самым тревожным и бессильным. Изоляция невыносима, и альтернативы, доступные ему, – или бегство от тяжести свободы в новую зависимость и подчинение, или продвижение к полной реализации позитивной свободы, основанной на уникальности и индивидуальности человека. Хотя эта книга – скорее диагноз, чем прогноз, скорее анализ, чем решение, – ее выводы важны для определения нашего курса. Понимание причин тоталитарного бегства от свободы есть предпосылка любых действий, направленных к победе над тоталитаризмом.

Мне доставляет огромное удовольствие поблагодарить всех своих друзей, коллег и студентов, перед кем я в долгу за поддержку и конструктивную критику моих взглядов. Хочу особенно отметить вклад тех, кто напрямую способствовал завершению этого тома. В первую очередь хочу поблагодарить мисс Элизабет Браун, чьи предложения и критические замечания по структуре книги оказали мне неоценимую помощь. Кроме того, должен поблагодарить мистера Т. Вудхауса за редактирование рукописи и доктора А. Зейдемана за помощь в разрешении философских проблем, затронутых в этой книге. Выражаю свою признательность издателям за привилегию использовать развернутые выдержки из их публикаций: «Наставление в христианской вере» Жана Кальвина в переводе Дж. Аллена (Совет христианского образования, Филадельфия); «Социальные реформы и Реформация» Дж. С. Шапиро (издательство Колумбийского университета); «О рабстве воли» Мартина

Лютера в переводе Г. Коула (издательство У. Б. Эрдмана, Грэнд Рапидс); «Религия и подъем капитализма» Р. Х. Тауни (Харкорт, Брэйс и компани, Нью-Йорк); «Майн Кампф» Гитлера (Хоутон Миффин компани, Бостон); «Культура Италии в эпоху Возрождения» Я. Буркхардта (издательство «Макмиллан», Нью-Йорк).

Э.Ф.

Предисловие II

Почти двадцать лет прошло со времени выхода этой книги. Двадцать четыре переиздания были прочитаны профессионалами, обывателями и особенно студентами; я счастлив, что данная публикация в издательстве «Авон лайблари» сделает книгу доступной для еще большего числа читателей.

«Бегство от свободы» представляет собой анализ феномена человеческой тревоги, порожденной распадом средневекового мира, в котором, несмотря на многие опасности, человек чувствовал себя защищенным. После столетий борьбы человек преуспел в создании неслыханного материального благосостояния, построил демократические общества в некоторых регионах мира и одержал победу, защищая себя от тоталитарных схем; однако, как пытается показать «Бегство от свободы», современный человек все еще обеспокоен и испытывает соблазн отдать свою свободу разного рода диктаторам или лишиться ее, превратившись в маленький винтик машины, сытый, хорошо одетый, но не в свободного человека, а в автомат.

По прошествии двадцати пяти лет вопрос о том, сохраняются ли все еще те общественные и психологические тенденции, на которых основан анализ в этой книге, или они ослабевают, все еще стоит. Не может быть сомнений в том, что за последние четверть века причины, заставляющие человека бояться свободы, испытывать тревогу и быть готовым стать автоматом, не только сохранились, но и существенно увеличились. Самым важным событием в этом отношении явилось открытие атомной энергии и ее возможного использования как разрушительного оружия. Никогда раньше в истории человечества не возникало угрозы полного уничтожения, тем более от творения собственных рук. Однако сравнительно недавно во время кубинского кризиса миллионы человеческих существ в Америке и в Европе в течение нескольких дней не знали, увидят ли они и их дети следующий день. Несмотря на то, что с тех пор были предприняты попытки уменьшить опасность возникновения подобного кризиса, разрушительное оружие продолжает существовать, кнопки и люди, обязанные нажать их, когда это покажется необходимым, существуют, тревога и беспомощность людей никуда не делись.

Помимо ядерной революции, произошла и кибернетическая, набравшая силу быстрее, чем можно было предвидеть двадцать пять лет назад. Мы входим во вторую промышленную революцию, когда не только физическая энергия человека – работа его рук, – но и работа мозга и нервные реакции переходят к машинам. В наиболее развитых индустриальных странах, таких как Соединенные Штаты, возникают новые напряжения, связанные с угрозой возрастающей структурной безработицы; люди чувствуют себя все более незначительными не только перед лицом огромных корпораций, но и перед почти самоуправляющимся миром компьютеров, которые думают много быстрее и часто более точно. Новая опасность скорее увеличивается, чем ослабляется: происходит демографический взрыв. Здесь тоже один из продуктов прогресса человечества – достижения медицины – привели к такому росту населения, особенно в развивающихся странах, что рост материального производства едва поспевает за увеличивающимся числом людей.

Гигантские силы, действующие в обществе, и опасность для выживания человечества за двадцать пять лет выросли, а поэтому выросла и тенденция к бегству от свободы. Однако появились и знаки, дающие надежду. Исчезли диктатуры Гитлера и Сталина. В странах советского блока, особенно небольших, хотя они остаются ультраконсервативными и тоталитарными, ясно заметна тенденция к росту либерализации. Соединенные Штаты проявили стойкость против всех попыток тоталитаризма увеличить свое влияние. Были предприняты важные шаги в направлении политического и социального освобождения чернокожих, осо-

бенно впечатляющие мужеством и дисциплиной тех, кто находится в первых рядах борцов за свободу – как чернокожих, так и белых. Все эти факты говорят о том, что внутренне свойственное человеческой природе стремление к свободе, пусть и извращенное и подавленное, снова и снова утверждает себя. Однако все эти обнадеживающие факты не должны заставлять нас думать, будто опасность «бегства от свободы» не так велика; она стала больше, чем даже тогда, когда эта книга была впервые опубликована.

Означает ли это, что теоретические прозрения социальной психологии бесполезны в отношении воздействия на развитие человека? Убедительно ответить на этот вопрос трудно; тот, кто пишет на данную тему, может быть неоправданно оптимистичен насчет общественной ценности собственной работы и работы своих коллег. Однако при всем уважении к такой возможности я верю в рост важности осознания индивидом социальной реальности. Я могу кратко обосновать это. Для многих ученых, изучающих человека и современное положение вещей, становится все более ясно, что основной трудностью, с которой мы сталкиваемся, является тот факт, что интеллектуальный потенциал далеко опередил эмоциональное развитие. Мозг человека живет в двадцатом столетии, а сердца большинства все еще обитают в каменном веке. Большинство человечества еще не достигло зрелости, позволяющей быть независимым, рациональным, объективным. Людям требуются мифы и идолы, чтобы выдерживать факт своего одиночества, чтобы примириться с тем, что не существует авторитета, придающего жизни смысл, кроме него самого. Человек подавляет иррациональную страсть к разрушению, ненависти, зависти, мести; он поклоняется силе, деньгам, суверенному государству, нации; он на словах следует учениям великих духовных вождей человечества, таким как Будда, пророки, Сократ, Иисус, Мохаммед – их учения он превращает в дебри суеверий и поклонения идолам. Как человечество может спастись от самоуничтожения из-за этого расхождения между интеллектуально-технической сверхзрелостью и эмоциональным отставанием?

Насколько я могу судить, существует всего один ответ: рост осознания важнейших фактов нашего социального бытия, осознания, которое предохранит нас от совершения неправимых глупостей, хоть небольшое увеличение способности к объективным и разумным решениям. Мы не можем надеяться преодолеть большинство заблуждений своих сердец и их разрушительное воздействие на наше воображение на протяжении жизни одного поколения; может быть, потребуются многие века, чтобы человек смог вырваться из оков дочеловеческой истории, длившейся сотни тысячелетий. В этот решающий момент самое малое прозрение – объективность – может составить все различие между жизнью и смертью человечества. По этой причине развитие научной, динамической социальной психологии имеет жизненно важное значение. Прогресс в этой области необходим для противостояния опасностям, порождаемым прогрессом физики и медицины. Никто не осознает более ясно недостаточности наших знаний, чем ученые. Я надеюсь, что книги, подобные этой, будут побуждать ученых приложить силы в этой области, показав им потребность в исследованиях, поскольку мы не имеем почти ничего, кроме основополагающих положений.

Возможно, от меня ожидается ответ на еще один вопрос: не следует ли мне существенно пересмотреть свои теоретические заключения по истечении двадцати пяти лет? Должен признаться, что полагаю: главные элементы анализа все еще имеют силу и нуждаются в расширении и интерпретации во многих направлениях. С тех пор, как я написал «Бегство от свободы», я предпринял попытку проделать часть этой работы сам. В «Здоровом обществе» я расширил и провел более глубокий анализ современного общества, в «Человеке для себя» я углубил тему этических норм, основанных на знании о человеке, а не на авторитете и откровении, в «Искусстве любить» рассмотрел различные аспекты любви, в «Душе человека» проследил корни разрушительности и ненависти, в «По ту сторону порабощающих нас иллюзий» проанализировал связь между взглядами двух величайших теоретиков

динамической науки о человеке – Маркса и Фрейда. Надеюсь, что это издание «Бегства от свободы» внесет свой вклад в интерес к динамической социальной психологии и побудит молодых людей посвятить силы области, полной интеллектуального вызова, именно потому, что она еще только в начале пути.

Эрих Фромм

I. Свобода – психологическая проблема?

Ядром современной европейской и американской истории являются усилия по достижению свободы от политических, экономических и духовных кандалов, сковывающих человека. Сражались за свободу угнетенные, те, кто хотел новых прав, против тех, кто защищал свои привилегии. Пока класс боролся за собственное освобождение от владычества другого класса, он полагал, что борется за человеческую свободу как таковую и таким образом мог взывать к идеалам, к жажде свободы, присущей всем угнетенным. В долгой и практически постоянной битве за свободу, однако, те классы, что боролись за освобождение на одном этапе, вступали в союз с врагами свободы, когда победа бывала достигнута и требовалось защищать новые привилегии. Несмотря на многие отступления, свобода все-таки выигрывала сражения. Многие погибли в битвах, убежденные, что лучше погибнуть, сражаясь за освобождение, чем жить под игом. Такая смерть бывала величайшим утверждением собственной личности. История, казалось, доказывала возможность для человека управлять своей жизнью, самому принимать решения, думать и чувствовать так, как он считал нужным. Полное раскрытие человеческого потенциала представлялось целью, к которой быстро приближалось развитие общества. Принципы экономического либерализма, политической демократии, религиозной автономии, индивидуализма в личной жизни служили выражением жажды свободы и в то же время, казалось, вели человечество все ближе к ее достижению. Сбрасывались одни оковы за другими. Человек избавился от владычества природы и сделался ее хозяином, он сбросил власть церкви и абсолютистского государства. Освобождение от внешнего угнетения представлялось не только необходимым, но и достаточным условием достижения заветной цели: свободы индивида. Первая Мировая война представлялась многим последней битвой, а ее завершение – окончательной победой свободы. Существовавшие демократические режимы укрепились, новые пришли на смену прежним монархиям. Однако прошло немного лет, и возникли системы, отрицавшие все, что человек считал достигнутым за многие столетия борьбы. Суть этих новых систем, эффективно захвативших управление всей общественной и личной жизнью, состояла в подчинении всех, за исключением горстки людей, власти, контролировать которую человек не мог. Сначала многие находили утешение в мысли о том, что победа авторитарной системы есть следствие безумия нескольких индивидов и что это безумие со временем приведет их к падению. Другие самоудовольно полагали, что итальянскому народу и немцам не хватало достаточно долгого опыта демократии и поэтому можно спокойно ждать, когда эти народы достигнут политической зрелости западных демократических государств. Еще одна иллюзия, возможно, наиболее опасная, заключалась в том, что люди вроде Гитлера добились власти над разветвленной государственной бюрократией всего лишь благодаря хитрости и мошенничеству, что они и их пособники правят исключительно силой, а все население – бессильная жертва предательства и террора. За прошедшие с тех пор годы стала очевидной ошибочность этих аргументов. Нам пришлось признать, что миллионы немцев так же стремились отказаться от своей свободы, как их отцы были готовы ее защищать, что вместо стремления к свободе они искали способы бегства от нее, а другие миллионы проявляли равнодушие и не считали, что свобода стоит того, чтобы за нее бороться и умирать. Мы также понимаем, что кризис демократии – это не специфически итальянская или германская проблема; она угрожает каждому современному государству. Не имеет значения, какие символы выбирают противники человеческой свободы: ей грозит не меньшая опасность от антифашизма, чем от откровенного фашизма. Эта истина была так мощно сформулирована Джоном Дьюи, что я изложу эту мысль его собственными словами: «Серьезная угроза нашей демократии, – пишет он, – это не существование зарубежных тоталитарных государств. Ею является существование в

нашем собственном личном отношении и в наших собственных установлениях тех же условий, которые подарили победу внешней власти, дисциплине и зависимости от вождя в других странах. Поэтому поле битвы именно здесь – внутри нас самих и наших институтов».

Если мы хотим бороться с фашизмом, мы должны его понимать. Нам не поможет принятие желаемого за действительное. Повторение оптимистических формул столь же неадекватно и бесполезно, как и индейский ритуал вызывания дождя. В дополнение к экономическим и социальным условиям, приведшим к подъему фашизма, существует гуманитарная проблема, которую необходимо понять. Целью данной книги является анализ динамических факторов в структуре характера современного человека, побудивших его отказаться от свободы в фашистских государствах и так широко распространенных среди миллионов наших собственных сограждан. Это самые важные вопросы, возникающие, когда мы рассматриваем гуманитарные аспекты свободы, желания подчиняться, жажды власти. Что представляет собой свобода как опыт человечества? Присуще ли стремление к свободе человеческой природе? Является ли это переживание идентичным независимо от того, к какой культуре человек принадлежит, или различается в зависимости от степени, которой достиг индивидуализм в данном обществе? Является ли свобода всего лишь отсутствием внешнего давления или же требует наличия чего-то – а если так, то чего? Каковы социальные и экономические факторы в обществе, определяющие стремление к свободе? Может ли свобода сделаться обузой, слишком тяжелой для человека, чем-то, от чего он старается избавиться? Почему для одних свобода – желанный идеал, а для других – угроза? Не существует ли также, помимо врожденного стремления к свободе, инстинктивного желания подчиняться? Если это не так, чем можно объяснить привлекательность подчинения лидеру, которую испытывают столь многие? Вызывает ли послушание всегда лишь явный авторитет или существует подчинение авторитету интернализованному² – долгу или совести, внутренним популизмам или анонимной власти, такой как общественное мнение? Нет ли тайного удовлетворения от покорности и какова его суть? Что порождает в человеке ненасытное желание власти? Проявляется ли в этом жизненная энергия или основополагающая слабость и неспособность воспринимать жизнь спонтанно и с любовью? Какие психические условия определяют силу подобных устремлений? Каковы социальные основания этих психических условий?

Анализ гуманитарных аспектов свободы и авторитаризма заставляет нас рассмотреть общую проблему, а именно, роль, которую психологические факторы играют как активная сила в общественном процессе; это, в свою очередь, приводит к проблеме взаимодействия в общественном процессе психологических, экономических и идеологических факторов. Любая попытка понять притягательность фашизма для великих наций заставляет нас признать важность факторов психологических. Мы имеем дело с политической системой, по сути не обращающейся к рациональным понятиям собственной выгоды, а пробуждающей и мобилизующей в человеке дьявольские силы, которые мы считали несуществующими или по крайней мере давным-давно мертвыми.

Портрет человека, ставший знакомым за последние столетия, изображал рационального индивида, чьи действия определялись его выгодой и способностью вести себя соответственно. Даже такие мыслители, как Гоббс, считавшие жажду власти и враждебность силами, побуждающими человека действовать, видели в существовании этих сил логическое следствие стремления к собственной выгоде: поскольку люди равны и одинаково стремятся к счастью, а достаточного богатства, чтобы удовлетворить всех одинаково, нет, они неизбежно сражаются друг с другом и жаждут силы, чтобы обеспечить будущее наслаждение тем, что имеют. Однако нарисованная Гоббсом картина устарела. Чем больше средний

² Интернализация – принятие или адаптация убеждений, ценностей, установок, практики, стандартов и т. д. в качестве своих собственных.

класс преуспевал в свержении власти бывших политических и религиозных вождей, чем больше человек покорял природу, чем больше миллионов индивидов обретали экономическую независимость, тем сильнее становилась вера в рациональность мира и в человека как неотъемлемо рациональное существо. Темные дьявольские силы человеческой природы были сосланы в Средние века, а то и более ранние периоды истории и объяснялись отсутствием знаний или жульническими схемами лживых королей и священников. На те времена стали смотреть как на вулкан, который уже давно перестал быть действующим. Человек чувствовал себя в безопасности и был уверен в том, что достижения демократии уничтожили все зловещие силы, что мир светел и не таит опасности, как хорошо освещенная улица современного города. Войны стали считаться последними пережитками старых времен; нужна была всего еще одна война, чтобы покончить с войнами, экономические кризисы рассматривались как несчастные случаи, хотя эти несчастные случаи и продолжали случаться с определенной регулярностью.

Когда к власти пришел фашизм, большинство населения было к этому не готово, как теоретически, так и практически. Люди были не в силах поверить, что человек способен проявить такую предрасположенность ко злу, такую жажду власти, такое пренебрежение к правам слабых и такое стремление подчинять. Только немногие слышали громохание вулкана, предшествующее извержению. Ницше встревожил самодовольный оптимизм девятнадцатого века, как сделал это и Маркс, но по-иному. Другое предостережение несколько позже пришло от Фрейда. Несомненно, он и его последователи имели очень наивное представление о том, что происходит в обществе, и большинство приложений психологии к социальным проблемам были вводящими в заблуждение конструкциями, однако, проявив интерес к феноменам личных эмоциональных и психических расстройств, Фрейд привел нас на вершину вулкана и заставил заглянуть в бурлящий кратер. Фрейд зашел дальше, чем кто-либо до него, в том, чтобы привлечь внимание к наблюдениям и анализу иррациональных и бессознательных сил, отчасти определяющих поведение человека. Он и его последователи в современной психологии не только открыли иррациональный и неосознаваемый сектор человеческой природы, существование которого игнорировалось современным рационализмом, он также показал, что эти иррациональные феномены следуют определенным законам и поэтому могут быть поняты рационально. Фрейд научил нас понимать язык сновидений и соматических симптомов, как и иррациональностей в поведении человека. Он открыл, что эти иррациональности и структура характера человека в целом являются реакцией на воздействие окружающего мира и отчасти того, что происходило в раннем детстве. Однако Фрейд был так проникнут духом своей культуры, что не мог выйти за определенные ограничения, ею налагаемые. Именно эти ограничения определяли границы его понимания даже больного человека и служили препятствием для понимания нормального индивида и иррациональных феноменов, действующих в общественной жизни.

Поскольку данная книга подчеркивает роль психологических факторов в социальном процессе в целом и поскольку данный анализ основывается на некоторых фундаментальных открытиях Фрейда – особенно тех, которые касаются воздействия бессознательного на характер человека и его зависимости от внешних воздействий, – думаю, читателю поможет знание о возникновении общих принципов нашего подхода, а также об основных отличиях этого подхода от классических концепций Фрейда.

Фрейд принимал традиционное представление об основополагающей дихотомии в природе человека, как и традиционную доктрину о порочности человеческой природы. Для Фрейда человек в основе своей антисоциален. Общество должно его одомашнить, должно допускать некоторое прямое удовлетворение биологических – а потому неискоренимых – побуждений, но по большей части облагораживать и умело ограничивать основные импульсы. Как следствие этого подавления естественных импульсов происходит нечто

чудесное: подавленные побуждения превращаются в устремления, имеющие культурную ценность, и таким образом делаются основой человеческой культуры. Для этой странной трансформации подавления в цивилизованное поведение Фрейд выбрал название «сублимация». Если величина подавления превосходит способность к сублимации, индивид делается невротиком, и становится необходимым позволить ослабление подавления. В целом, однако, имеет место обратная пропорция между удовлетворением побуждений человека и культурой: чем больше подавление, тем выше культура (и опасность невротических нарушений).

Согласно теории Фрейда, отношения индивида и общества носят по сути статичный характер: человек остается практически тем же и меняется только в той степени, в какой общество оказывает большее давление на его естественные порывы (и тем самым навязывает ему большую сублимацию) или же позволяет большее их удовлетворение (жертвуя при этом культурой). Как и ранние философы, принимавшие существование так называемых базовых инстинктов, Фрейд в своей концепции человеческой природы отразил самые важные устремления, свойственные современному человеку. Для Фрейда индивид его культуры представлял «человека» вообще, и страсти и тревоги, свойственные современному человеку, рассматривались им как вечные силы, корнящиеся в его биологической конституции.

Хотя можно было бы привести много примеров справедливости таких взглядов (как, например, социальный базис враждебности, присущей современному человеку, Эдипов комплекс, так называемый комплекс кастрации у женщин), хочу указать еще на один, особенно важный потому, что он касается всей концепции человека как общественного существа. Фрейд всегда рассматривал индивида в его отношениях с другими людьми. Эти отношения, как их видел Фрейд, сходны с экономическими отношениями, характерными для капиталистического общества. Каждый человек работает на себя индивидуально, на свой риск, и изначально не кооперируется с другими. Однако он не Робинзон Крузо, он нуждается в окружающих как в потребителях, наемных работниках или нанимателях. Он должен покупать и продавать, отдавать и брать. Рынок, будь это рынок товаров или рынок рабочей силы, регулирует такие отношения. Так индивид, изначально одинокий и самодостаточный, вступает в экономические отношения с другими ради единственной цели: продавать и покупать. Фрейдовская концепция человеческих отношений по сути сводится к тому же: индивид полностью вооружен биологически заданными побуждениями, нуждающимися в удовлетворении. Для этого индивид вступает в отношения с другими «объектами». Таким образом, другой человек всегда оказывается средством для достижения цели, для удовлетворения побуждений, которые сами по себе имеют источником индивида – до того, как он вступает в контакт с другими. Область человеческих отношений, по Фрейду, сходна с рынком: происходит обмен удовлетворением биологически заданных потребностей, при котором отношения с другим индивидом всегда средство для достижения цели, но никогда не являются целью как таковой.

В отличие от точки зрения Фрейда, анализ, содержащийся в этой книге, основывается на допущении, что ключевая проблема психологии заключается в специфической связи индивида с миром, а не в удовлетворении или фрустрации³ той или иной инстинктивной потребности как таковой: более того, предполагается, что связь между человеком и обществом не является статичной. Дело не в том, что мы, с одной стороны, имеем человека с определенным набором заданных природой влечений, а с другой – общество как нечто отдельное от него, удовлетворяющее или фрустрирующее эти врожденные потребности. Хотя такие побуждения, общие для всех, – голод, жажда, секс – существуют, есть и те, которые определяют различия человеческих характеров – любовь и ненависть, жажда власти и стремление к подчинению, тяга к чувственным наслаждениям и боязнь их, – продукты обществен-

³ Фрустрация – негативное психическое состояние, возникающее в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей.

ного процесса. Самые прекрасные и самые отвратительные склонности человека являются не частью фиксированной и биологически заданной человеческой природы, а результатом того общественного процесса, который создал человека. Другими словами, общество обладает не только функцией подавления – хотя и ею тоже, – но и творческой функцией. Характер человека, его страсти и тревоги есть культурный продукт; сам человек является самым важным творением и достижением непрерывных человеческих усилий, запись которых мы зовем историей.

Задачей социальной психологии как раз и является понимание этого процесса возникновения человека в ходе истории. Почему определенные изменения в человеческом характере происходят при смене одной исторической эпохи другой? Что делает дух Возрождения отличным от духа Средневековья? Почему структура человеческого характера при монополистическом капитализме иная, чем в девятнадцатом столетии? Социальная психология должна объяснить возникновение новых способностей и новых страстей, хороших или дурных. Так, мы находим, например, что со времен Ренессанса по наши дни имеет место пламенное стремление к славе; это влечение, кажущееся нам сейчас совершенно естественным, было мало присуще человеку в средневековом обществе. За этот же период возникло восприятие красоты природы, которым ранее человек не обладал. Кроме того, начиная с шестнадцатого столетия, в странах Северной Европы развилась одержимость трудом, не свойственная свободному человеку ранее.

Однако не только история творит человека – она сама создается людьми. Разрешение этого кажущегося противоречия и есть предмет социальной психологии. Ее задача показать не только изменения и развитие страстей, желаний, тревог человека в результате общественного процесса, но и то, как энергия человека в свою очередь преобразуется в специфические продуктивные силы, формирующие общественный процесс. Так, например, жажда славы и успеха и потребность работать представляют собой силы, без которых не мог бы развиваться современный капитализм; без этих и некоторых других человеческих сил отсутствовал бы стимул действовать в соответствии с социальными и экономическими потребностями современной коммерческой и промышленной систем.

Из сказанного следует, что точка зрения, представленная в этой книге, отличается от взглядов Фрейда, поскольку радикально не согласуется с интерпретацией истории как результата действия психических сил, не укрощенных обществом. Не менее радикально расходится мой подход с теми теориями, которые пренебрегают ролью человеческого фактора как одного из динамических элементов общественного процесса. Эта критика направлена не только против социологических теорий, так или иначе изгоняющих психологические проблемы из социологии (как это делает Дюркгейм и его школа), но и против тех, которые более или менее окрашены бихевиоризмом⁴. Общим для всех этих теорий является представление о том, будто человеческая природа не обладает собственным динамизмом и будто психологические перемены могут быть поняты в терминах развития новых «привычек» как адаптации к новым культурным паттернам.

Эти теории хоть и говорят о психологическом факторе, в то же время сводят его к отражению культурных паттернов. Только динамическая психология, основы которой были заложены Фрейдом, может проникнуть глубже признания на словах человеческого фактора. Хотя фиксированной человеческой природы не существует, нельзя рассматривать природу человека как бесконечно пластичную, способную приспособиться к любым условиям, не развив собственный психологический динамизм. Природа человека, хоть и является про-

⁴ Бихевиоризм – направление, которое полностью отрицало сознание человека как самостоятельное явление и отождествляло его с поведенческими реакциями индивида на различные внешние раздражители.

дуктом исторической эволюции, обладает определенными неотъемлемыми механизмами и законами, открыть которые, в свою очередь, должна психология.

На данном этапе представляется необходимым для полного понимания того, что было сказано выше, а также последующего изложения обсудить понятие *адаптации*. Такая дискуссия дает к тому же иллюстрацию того, что понимается под психическими механизмами и законами.

Полезно различать «статичную» и «динамическую» адаптацию. Под статичной адаптацией мы понимаем такое приспособление к паттернам, которое оставляет всю структуру характера неизменной и предполагает только приобретение новой привычки. Примером адаптации такого рода может служить переход от китайской манеры есть палочками к европейской привычке пользоваться вилок и ножом. Китаец, приехавший в Америку, приспособится к этому новому паттерну, но само по себе это окажет мало влияния на его личность и не породит новых потребностей и свойств характера.

Динамической мы называем адаптацию такого вида, которая возникает, например, когда ребенок подчиняется командам строгого и сурового отца – слишком его боясь, чтобы вести себя иначе, ребенок делается «хорошим». При адаптации к требованиям ситуации что-то с ним происходит. У ребенка может развиться сильная неприязнь к отцу, которую ребенок подавляет, потому что было бы слишком опасно выразить или даже осознать ее. Эта подавленная неприязнь, впрочем, хоть и не проявляющаяся, является динамическим фактором в структуре характера ребенка. Она может породить новую тревогу и тем привести к еще более глубокой покорности, она может вылиться в смутный вызов, направленный не против конкретного объекта, а жизни в целом. Хотя в этом случае, как и при статичной адаптации, индивид приспосабливается к определенным внешним обстоятельствам; подобное приспособление создает в индивиде что-то новое, порождает новые побуждения и новые тревоги. Любой невроз есть пример такой динамической адаптации; по сути он – приспособление к таким внешним условиям (особенно условиям раннего детства), которые сами по себе иррациональны и, вообще говоря, неблагоприятны для роста и развития ребенка. Подобным же образом социопсихологические феномены, сравнимые с невротическими (почему их не следует называть неврозами, будет обсуждаться ниже), такие, например, как наличие сильных деструктивных или садистских импульсов в общественной группе, являют собой пример динамической адаптации к социальным условиям, иррациональным и вредоносным для развития людей.

Помимо вопроса о том, какого *рода* происходит адаптация, нуждается в ответе и другой вопрос. Что заставляет человека приспосабливаться почти к любым жизненным условиям, которые можно себе представить; каковы пределы приспособляемости? Отвечая на эти вопросы, первый феномен, который нужно обсудить, – это тот факт, что в природе человека наличествуют определенные черты, более гибкие и поддающиеся адаптации, чем другие. Те устремления и свойства характера, которые отличают людей друг от друга, проявляют величайшую эластичность и изменчивость: любовь, разрушительность, садизм, склонность подчиняться, жажда власти, отстраненность, желание самовозвеличения, бережливость, стремление к чувственным наслаждениям и боязнь их. Существует и множество других побуждений и страхов, которые развиваются как реакция на определенные жизненные ситуации. Они не особенно гибки: сделавшись частью характера индивида, они трудно поддаются искоренению или превращаются в какое-то иное устремление. Однако они изменчивы в том смысле, что одно или другое из них развивается у человека, особенно в детстве, в зависимости от того образа жизни, который ему приходится вести. Ни одна из этих потребностей не является фиксированной и неизменной, как если бы была врожденной, и не требует удовлетворения при любых обстоятельствах.

В противоположность этим потребностям имеются другие, являющиеся неотъемлемой частью человеческой природы и требующие обязательного удовлетворения, а именно, те, которые коренятся в физиологической организации человека, подобно голоду, жажде, необходимости сна и т. д. Для каждой из таких потребностей существует определенный порог, за которым отсутствие удовлетворения становится непереносимым и стремление к удовлетворению делается всепоглощающим. Все эти физиологически заданные потребности могут быть объединены в понятие потребности в самосохранении; она требует удовлетворения при любых обстоятельствах и тем самым формирует первоочередной стимул поведения человека.

Можно свести это к простой формуле: человек должен есть, пить, спать, защищать себя от врагов и т. д. Чтобы все это сделать, человек должен трудиться и производить продукцию. Впрочем, «работа» – не нечто абстрактное. Она всегда конкретна, т. е. является специфическим видом труда в специфической экономической системе. Индивид может трудиться как крепостной при феодализме, как земледелец в индейском пуэбло, как независимый бизнесмен в капиталистическом обществе, как продавец в современном универсаме, как рабочий у бесконечной ленты конвейера на фабрике. Различные виды работы требуют совершенно разных личностных черт и ведут к возникновению различных видов связей с другими людьми. Рождаясь, человек попадает в уже готовую для него ситуацию. Он должен есть и пить, а потому должен работать, а это значит, что он должен трудиться в определенных условиях и таким образом, который задан для него тем обществом, где он родился. Оба фактора – необходимость жизнеобеспечения и социальная система – в принципе не могут быть изменены им как индивидом; они и определяют развитие тех черт характера человека, которые проявляют наибольшую пластичность.

Тем самым образ жизни, обусловленный для индивида особенностями экономической системы, становится первичным фактором, определяющим всю структуру его характера, поскольку императивная потребность в самосохранении заставляет его принимать те условия, в которых он вынужден жить.

Это не означает, что человек вместе с другими не может попытаться произвести определенные экономические или политические перемены, однако изначально его личность формируется конкретным образом жизни: он познакомился с ним ребенком через семью, обладающую особенностями, типичными для данного общества или класса.

Физиологически заданные потребности не единственная непреодолимая часть природы человека. Существует еще одна, столь же мощная, хоть и не коренящаяся в телесных процессах, но составляющая самую суть образа жизни человека: это необходимость в связи с внешним миром, стремление избежать одиночества. Ощущение одиночества и полной изоляции ведет к психическому распаду, так же как физический голод ведет к смерти. Связь с другими не идентична физическому контакту. Индивид может много лет находиться в одиночестве в физическом смысле, однако при этом быть связанным с другими людьми идеями, ценностями или по крайней мере социальными паттернами, дающими ему чувство общности, принадлежности. С другой стороны, человек может находиться среди людей и тем не менее быть охвачен ощущением изоляции; если оно превышает определенный уровень, наступает состояние безумия, представляемое шизофреническими нарушениями. Подобное отсутствие связи с ценностями, символами, паттернами можно назвать моральным одиночеством; моральное одиночество так же невыносимо, как одиночество физическое. Точнее, физическое одиночество становится нестерпимым, только если сопровождается одиночеством моральным. Духовная связь с миром может принимать разнообразные формы; монах в своей келье, верующий в Бога, политзаключенный, содержащийся в одиночке, но чувствующий единство с товарищами по борьбе, морально не одиноки. И английский джентльмен, передевающий к обеду в самом экзотическом окружении, и мелкий буржуа, далекий от

своих партнеров, едины со своей нацией и ее символами. Связь с миром может быть благородной или тривиальной, но принадлежность даже к самой низкой категории неизмеримо предпочтительнее одиночества. Религия и национализм, как и любой обычай или поверье, сколь бы ни был абсурден и ни развращал, если он связывает индивида с другими, тем самым предоставляет убежище от того, что вызывает у человека наибольшее отвращение: от изоляции.

Необоримая потребность избежать морального одиночества с большой силой описана Бальзаком в «Утраченных иллюзиях»: «Так запомни же, запечатлей это в своем еще столь восприимчивом мозгу: человека страшит одиночество. А из всех видов одиночества страшнее всего одиночество душевное. Отшельники древности жили в общении с богом, они пребывали в самом населенном мире, в мире духовном. Скупцы живут в мире воображения и власти денег. У скупца все, вплоть до его пола, сосредоточено в мозгу. Первая потребность человека, будь то прокаженный или каторжник, отверженный или недужный, – обрести товарища по судьбе. Жажда утолить это чувство, человек расточает все свои силы, все свое могущество, весь пыл своей души. Не будь этого всепожирающего желания, неужто сатана нашел бы себе сообщников?.. Тут можно написать целую поэму, как бы вступление к “Потерянному раю”, этому поэтическому оправданию мятежа»⁵.

Любая попытка ответить на вопрос о том, почему страх одиночества так силен, увела бы нас далеко от основного содержания этой книги. Впрочем, чтобы у читателя не возникло впечатления, будто в желании объединения с другими есть нечто мистическое, хочу указать, в каком направлении, как мне кажется, лежит ответ.

Один важный элемент заключается в том факте, что человек не может жить без какой-либо кооперации с другими. В любой культуре он должен сотрудничать с другими людьми, если хочет выжить, – и для защиты от врагов и от природных катаклизмов, и если хочет быть в силах работать и производить все необходимое. Даже у Робинзона Крузо был свой Пятница; без него тот, вероятно, не только лишился бы рассудка, но и просто умер. Любой индивид в детстве очень сильно ощущает необходимость в помощи других. Учитывая фактическую неспособность младенца обеспечить себе выполнение жизненно важных функций, объединение с другими есть вопрос жизни или смерти. Перспектива остаться в одиночестве несомненно есть наиболее серьезная угроза самому выживанию ребенка.

Существует еще одно обстоятельство, делающее потребность в принадлежности столь непреодолимой: наличие субъективного самосознания, способности мыслить, благодаря которой человек осознает себя как индивида, отличного от природы и от других людей. Хотя степень такого осознания меняется, как это будет показано в следующей главе, его наличие ставит человека перед лицом специфически человеческой проблемы: осознавая свою отдельность, осознавая – даже если весьма смутно – свою смертность, подверженность болезням и старению, индивид неизбежно ощущает свою незначительность по сравнению со вселенной и со всем, что не является его «я». Если он не принадлежит к некой общности, если его жизнь не имеет какого-то смысла и направления, человек будет чувствовать себя пылинкой, будет подавлен собственной незначительностью. Он окажется неспособен соотнести себя с любой системой, которая давала бы смысл и направление его жизни, он будет полон сомнений, и это в конце концов парализует его способность действовать – то есть жить.

Прежде чем продолжать, полезно будет подвести итог тому, что было сказано в отношении нашего общего подхода к проблемам социальной психологии. Человеческая природа не является ни биологически заданной, ни врожденной суммой побуждений, ни безжизненной тенью культурных паттернов, к которым и приспосабливается; она – продукт челове-

⁵ Бальзак О. Утраченные иллюзии. М.: Правда, 1989. Перевод Н.Г. Яковлевой.

ческой эволюции, но также подчиняется некоторым внутренним механизмам и законам. В природе человека существуют определенные фиксированные и неизменные факторы: необходимость удовлетворять физиологически заданные потребности, необходимость избегать изоляции и морального одиночества. Мы видели, что индивид вынужден принимать образ жизни, коренящийся в системе производства и распределения, присущей данному обществу. В процессе динамического приспособления к культуре развивается множество мощных побуждений, мотивирующих действия и чувства индивида. Человек может осознавать или не осознавать эти побуждения, но в любом случае они оказывают сильное влияние и, раз возникнув, требуют удовлетворения. Это порождает силы, которые в свою очередь формируют общественные процессы. Как экономические, психологические и идеологические факторы взаимодействуют друг с другом и какие общие заключения, касающиеся этого взаимодействия, могут быть сделаны, будет обсуждаться ниже, при анализе Реформации и фашизма. Это обсуждение всегда будет посвящено главной теме данной книги: чем больше свободы добивается человек в процессе отделения от исходной общности с человеком и природой и чем больше он становится «индивидом», тем неизбежнее приходится ему объединяться с миром в спонтанности любви и производительного труда; в противном случае ему приходится искать какую-то безопасность в связях с миром, которые уничтожают его свободу и целостность его личности.

II. Возникновение индивидуальности и двойственность свободы

Прежде чем перейти к главной теме – вопросу о том, что́ значит свобода для современного человека и почему и как он пытается от свободы бежать, нам нужно обсудить концепцию, которая может показаться несколько оторванной от действительности. Она, впрочем, представляет собой предпосылку, необходимую для понимания анализа свободы в современном обществе. Я имею в виду концепцию, согласно которой свобода характеризует существование человека как таковое; более того, ее значение меняется в зависимости от степени осознания себя человеком и от восприятия им себя как независимого и отдельного существа.

Социальная история человека началась с момента его перехода из состояния единения с миром природы к осознанию себя как существа, отдельного от окружающей природы и людей. Однако это осознание оставалось весьма смутным на протяжении долгих исторических периодов. Индивид продолжал быть тесно связанным с физическим и общественным миром, из которых вышел; смутно осознавая себя отдельной сущностью, он также чувствовал себя частью окружающего мира. Нарастающий процесс освобождения личности от изначальных уз, процесс, который мы можем назвать индивидуализацией, достиг, по-видимому, своего пика в современной истории в века между Реформацией и настоящим временем.

В истории жизни индивида мы наблюдаем тот же самый процесс. Ребенок рождается, когда он перестает быть одним целым с матерью и делается отдельным от нее существом. Однако, хотя это биологическое отделение есть начало самостоятельного существования индивида, ребенок функционально остается единым с матерью на значительный период. В соответствии со степенью, в которой младенец, фигурально выражаясь, еще не полностью разорвал пуповину, связывающую его с внешним миром, он не обладает свободой; однако эти узлы обеспечивают ему безопасность и ощущение принадлежности, укорененности в чем-то. Я хотел бы назвать эти узлы, сохраняющиеся до тех пор, пока процесс индивидуализации не завершится полным отделением ребенка, «первичными узлами». Они органические в том смысле, что являются частью нормального развития человека; они предполагают отсутствие самостоятельности, но также обеспечивают ребенку безопасность и ориентацию. Это те узлы, которые связывают ребенка с матерью: члена примитивного сообщества – с кланом и культурой, средневекового человека – с церковью и сословием. Когда стадия полной индивидуализации бывает завершена и человек становится свободен от первичных уз, перед ним встает новая задача: сориентироваться и укорениться в мире, достичь безопасности иным способом, чем тот, что был характерен для его доиндивидуального существования. Свобода приобретает для него смысл, отличный от того, который имела до этого этапа эволюции. Здесь необходимо остановиться и прояснить перечисленные концепции, обсудив их более конкретно в связи с индивидуальным и общественным развитием.

Сравнительно внезапный переход от существования плода к существованию человека и разрыв пуповины знаменуют независимость младенца от тела матери. Однако такая независимость реальна только в грубом смысле разделения двух тел. В функциональном смысле младенец остается частью матери. Мать его кормит, носит, обеспечивает заботу во всех жизненно важных отношениях. Ребенок медленно начинает рассматривать мать и прочие объекты как сущности, отдельные от него. Одним из факторов этого процесса является неврологическое и общее физическое развитие ребенка, его способности ухватывать – физически и умственно – предметы и пользоваться ими. Через собственную активность ребенок познает мир вокруг себя. За процессом индивидуализации следует обучение. Оно включает ряд огорчений и запретов, благодаря чему роль матери меняется: теперь она превращается в лич-

ность, которая имеет цели, противоречащие желаниям ребенка, а иногда опасную и враждебную. Этот антагонизм, являющийся частью процесса воспитания, есть важный фактор обострения различения «я» и «ты».

Проходит несколько месяцев после рождения, прежде чем ребенок даже опознает другого человека как другого и способен реагировать на него улыбкой; проходят годы, прежде чем ребенок перестает путать себя со вселенной. До этого он проявляет типично детский особый вид эгоцентризма, не исключая привязанности и интереса к другим, поскольку «другие» еще не воспринимаются как действительно отдельные от него. По этой же причине в эти первые годы ребенок полагается на авторитет иначе, чем впоследствии. Родители (или кто-то, являющийся авторитетом) еще не рассматриваются как фундаментально отдельные от него сущности: они все еще часть мира ребенка, а мир – все еще часть его самого; подчинение им, таким образом, имеет другое качество, чем подчинение, существующее между индивидами, действительно отделившимися друг от друга.

Удивительно тонкое описание внезапного осознания собственной индивидуальности десятилетним ребенком дает Р. Хьюз в своей книге «Сильный ветер на Ямайке».

«В этот момент с Эмили произошло нечто действительно важное. Она внезапно осознала, кто она такая. Непонятно, почему это произошло не пятью годами раньше или пятью годами позже; непонятно, почему это случилось именно в тот день. Эмили устроила игрушечный дом в закутке на носу, за лебедкой, на которую в качестве дверного молотка повесила чертов палец; потом ей игра надоела, и она бесцельно побрела на корму, смутно размышляя о пчелах и сказочной королеве. Тут неожиданно в уме у нее вспыхнуло понимание того, что она – это *она*. Эмили замерла на месте и принялась оглядывать себя – насколько попадала в поле своего зрения. Видно было не особенно много – перед платьем, руки, когда она подняла их, чтобы разглядеть, – однако этого было достаточно, чтобы составить грубое представление о маленьком теле, которое Эмили неожиданно осознала как свое. Она насмешливо рассмеялась. “Ну, – подумала она, – подумать только, что ты, именно ты из всех людей так попала! Теперь из этого не выбраться очень долго: придется побыть ребенком, вырасти, состариться, прежде чем удастся отделаться от этой глупой шутки!” Чтобы не позволить никому вмешаться в это чрезвычайно важное событие, Эмили начала карабкаться по выбленкам на свой любимый насест на верхушке мачты. Каждый раз, когда она совершала простое движение рукой или ногой, ее заново охватывало изумление перед тем, как послушно они действуют. Память, конечно, говорила ей, что раньше так было всегда, но раньше она никогда не задумывалась о том, насколько это удивительно. Усевшись на смотровой площадке, Эмили начала внимательно разглядывать кожу на руках – ведь это была *ее* кожа. Она распахнула ворот платья и заглянула под него, чтобы убедиться: она действительно продолжается под одеждой, потом прижалась щекой к плечу. Контраст между кожей лица и мягкой теплой впадинкой на плече вызвал приятный озноб, как будто ее приласкал добрый друг. Однако было ли это ощущением ее щеки или плеча, что ласкало, а что принимало ласку, этого Эмили никак не могла понять. Только полностью удостоверившись в этом поразительном факте, в том, что она теперь Эмили Бас-Торнтон (почему именно “теперь”, она не знала, ведь она определенно не воображала раньше такую глупость, будто она кто-то еще) Эмили начала серьезно размышлять над последствиями своего открытия».

Чем больше ребенок растет и чем больше разрываются первичные узы, тем больше он ищет свободы и независимости. Однако судьба этих поисков полностью может быть понята только в том случае, если мы осознаем диалектический характер процесса увеличивающейся индивидуализации. Этот процесс имеет два аспекта.

Один из них заключается в том, что ребенок делается сильнее физически, эмоционально, умственно; в каждой из этих сфер возрастает активность, и в то же время они все больше и больше интегрируются. Развивается организованная структура, управляемая волей

и разумом индивида. Если мы можем назвать это организованное и интегрированное целое личностью, мы также можем сказать, что *одна сторона нарастающего процесса индивидуализации есть развитие личности*. Пределы роста индивидуализации и развития личности устанавливаются отчасти конкретными условиями жизни, но в первую очередь условиями социальными. Хотя различия между людьми в этом отношении очень велики, каждое общество характеризуется определенным уровнем индивидуализации, за пределы которого нормальный человек выйти не может.

Другим аспектом процесса индивидуализации является усиливающееся одиночество. Первичные узы обеспечивают безопасность и основополагающее единение с внешним миром. По мере того как ребенок покидает этот мир, он осознает свое одиночество, то, что он – отдельное от всех других существо. Это отделение от мира, который по сравнению с собственным индивидуальным существованием всеобъемлющ и могуч, часто угрожающ и опасен, порождает чувство бессилия и тревоги. До тех пор, пока индивид был частью мира и не осознавал возможности и ответственность, связанные с личными действиями, ему не нужно было их бояться. Когда же человек стал личностью, он оказался одинок и лицом к лицу с миром во всех его опасных проявлениях.

Появляются импульсы, побуждающие отказаться от индивидуальности, преодолеть чувство одиночества и бессилия благодаря полному погружению во внешний мир. Эти импульсы, однако, и новые узы, ими порождаемые, не идентичны с первичными узами, разорванными в процессе роста. Так же как ребенок не может вернуться в материнское чрево физически, невозможен и обратный процесс психической индивидуализации. Попытки сделать это неизбежно приобретают характер подчинения, при котором основное противоречие между авторитетным взрослым и подчиняющимся ребенком никогда не может быть устранено. Осознанно ребенок может чувствовать себя в безопасности и быть удовлетворенным, но подсознательно он понимает, что цена, которую он платит, – это отказ от собственной силы и цельности. Таким образом, результат подчинения оказывается противоположным желаемому: подчинение усиливает неуверенность ребенка и в то же время увеличивает враждебность и стремление к бунту, которые оказываются тем более пугающими, что направлены как раз против тех людей, от кого ребенок остается – или становится – зависимым.

Впрочем, подчинение – не единственный способ избежать одиночества и тревоги. Другим путем, единственно продуктивным и не приводящим к неразрешимому конфликту, является спонтанная связь индивида с другими людьми и с природой, связь, соединяющая человека с миром без разрушения его индивидуальности. Эта разновидность связи – наивысшим проявлением которой является любовь и продуктивный труд – коренится в целостности и силе личности и потому ограничена теми пределами, которые существуют для роста личности.

Проблема подчинения и спонтанной активности как двух возможных результатов растущей индивидуализации будет детально рассмотрена ниже; здесь я хочу только указать на общий принцип – на диалектический процесс, возникающий в силу роста индивидуализации и увеличения свободы человека. Ребенок получает большую свободу для развития и выражения своей собственной личности без тех уз, которые их ограничивали. Однако одновременно ребенок делается и более свободным от мира, дававшего ему безопасность и надежность. Процесс индивидуализации есть процесс роста силы и целостности личности, но одновременно это и процесс, в котором утрачивается первоначальное единение с другими: ребенок все больше отделяется от них. Это увеличивающееся отделение может привести к изоляции, опустошенности, вызывающей тревогу и неуверенность; но оно же может привести к новой близости и единению с другими, если ребенку удастся развить внутреннюю силу и продуктивность, являющиеся предпосылкой этой новой связи с миром.

Если бы каждый шаг в направлении отделения и индивидуализации сопровождался соответствующим ростом личности, развитие ребенка было бы гармоничным. Этого, однако, не происходит. В то время как процесс индивидуализации протекает автоматически, росту личности препятствует ряд индивидуальных и социальных причин. Разрыв между этими двумя тенденциями приводит к невыносимому чувству изоляции и бессилия, что в свою очередь порождает психические механизмы, которые ниже будут описаны как *механизмы бегства*.

Филогенетически история человека также может быть охарактеризована как процесс роста индивидуализации и свободы. После дочеловеческой стадии первые шаги человек делает в направлении освобождения от принудительно действующих инстинктов. Если понимать инстинкт как специфический паттерн действий, определяемый унаследованными неврологическими структурами, в животном царстве видна явная тенденция: чем ниже животное на шкале развития, тем сильнее его приспособление к природе и вся его деятельность управляется инстинктивными и рефлекторными механизмами. Знаменитая общественная организация некоторых насекомых создается исключительно на базе инстинктов. С другой стороны, чем выше животное на шкале развития, тем более гибкими оказываются паттерны действий и менее завершенным структурное приспособление при рождении. Вершиной такого развития является человек. Из всех животных он рождается наиболее беспомощным. Его адаптация к природе основывается исключительно на процессе научения, а не на инстинктах. «Инстинкт... есть слабеющая, если не исчезающая категория у высших животных, особенно у человека»⁶.

Человеческое существование начинается, когда инстинктивное управление поведением достигает определенного рубежа, когда приспособление к природе утрачивает свой принудительный характер, когда способ действий больше не фиксируется полученными по наследству механизмами. Другими словами, *человеческое существование и свобода с самого начала неразделимы*. Свобода здесь понимается не в положительном смысле «свободы для», а в отрицательном – «свободы от», а именно свободы от инстинктивной заданности действий.

Свобода в указанном выше смысле – двусмысленный дар. Человек рождается без необходимых умений, какие есть у животного, он зависит от своих родителей дольше, чем любое животное, и его реакции на окружение не так быстры и не так эффективны, как автоматически регулируемые инстинктивные действия. Человеку приходится испытывать все опасности и все страхи, связанные с отсутствием инстинктивных умений. Тем не менее именно эта беспомощность младенца есть основа всего развития человека; *биологическая слабость человека есть условие возникновения человеческой культуры*.

С самого начала своего существования человек стоит перед выбором между двумя различными путями. У животного существует непрерывная цепь реакций, начинающаяся со стимула, такого как голод, и заканчивающаяся более или менее строго заданным действием, что и устраняет напряжение, вызванное стимулом. У человека эта цепь прервана. Стимул наличествует, но удовлетворение потребности носит «открытый» характер; другими словами, человек должен выбирать между разными способами действий. Вместо заранее заданного инстинктивного поведения человек должен взвешивать в уме возможные варианты: он начинает думать. Он меняет свою роль в природе от чисто пассивного приспособления к активному: он начинает трудиться. Он изобретает орудия и, покоря природу, все больше от нее отделяется. Человек начинает смутно осознавать себя, точнее, свою группу, как не идентичную с природой. Он начинает понимать трагичность своей роли: быть частью при-

⁶ L. Bernard. Instinct. Hpol&Co., New York, 1924, p. 509.

роды, но при этом превосходить ее. Он осознает свою смертность как неизбежность, пусть и пытается отрицать это с помощью многочисленных фантазий.

Одно из наиболее красноречивых представлений фундаментальной связи между человеком и свободой дает библейский миф об изгнании человека из рая. Миф отождествляет начало человеческой истории с актом выбора, но подчеркивает греховность этого первого проявления свободы и страдания, вытекающие из него. Мужчина и женщина живут в райском саду в полной гармонии друг с другом и с природой. Там покой и нет необходимости трудиться; нет выбора, нет свободы, нет размышлений. Человеку запрещено есть плоды древа познания добра и зла. Он идет против воли Бога, он нарушает состояние гармонии с природой, частью которой, не переступая ее пределов, он является. С точки зрения церкви, представляющей власть, это первородный грех. С точки зрения человека, впрочем, это начало человеческой свободы. Нарушая приказание Бога, он освобождается от принуждения, переходит из бессознательного дочеловеческого существования на уровень человека. Действие вопреки приказаниям власти, грехопадение в своем позитивном человеческом смысле есть первый свободный поступок, другими словами, первый *человеческий* поступок. В мифе формальный аспект грехопадения – поедание плода с древа познания. Акт неподчинения как свободное действие есть начало мышления. Миф говорит и о других последствиях этого первого свободного поступка. Исходная гармония между человеком и природой нарушена. Бог объявляет войну между мужчиной и женщиной, между природой и человеком. Человек отделяется от природы, он делает первый шаг к тому, чтобы стать человеком, обретая индивидуальность. Он совершил первое свободное действие. Миф подчеркивает страдания, последовавшие за этим. Выход за пределы природы, обособление от природы и другого человека означает осознание своей наготы и появление стыда. Человек теперь одинок и свободен, но бессилен и испуган. Вновь завоеванная свобода выглядит проклятием; человек свободен от сладких уз рая, но не волен управлять собой, реализовать свою индивидуальность.

«Свобода от» не идентична позитивной свободе, «свободе для». Отделение человека от природы – процесс длительный; в значительной степени человек по-прежнему привязан к миру, в котором возник: к земле, на которой живет, к солнцу, луне и звездам, деревьям и цветам, животным, людям, с которыми связан узами крови. Примитивные религии свидетельствуют о том, что человек чувствует свое единство с природой. Одушевленная и неодушевленная природа – часть мира человека, или, можно сказать, он все еще часть естественного мира. Первичные узы препятствуют его полному человеческому развитию; они стоят на пути развития его рассудка и способности критически мыслить, они позволяют ему осознавать себя и других только через посредство его или их принадлежности к клану, социальной или религиозной общности, а не как человеческие существа; другими словами, первичные узы препятствуют развитию человека как свободного, самоопределяющегося, продуктивного индивида. Однако существует и другой аспект. Единение с природой, с кланом, с религией дает чувство безопасности. Человеку принадлежит неоспоримое место в структурированном целом, что обеспечивает ему чувство принадлежности, укорененности. Человек может страдать от голода или угнетения, но он избавлен от самой мучительной боли – полного одиночества и сомнений.

Мы видим, что процесс роста человеческой свободы имеет тот же диалектический характер, который мы обнаружили в процессе индивидуального роста. С одной стороны, это увеличение силы и интеграции, покорение природы, усиление человеческого разума и рост единения с другими людьми. Однако с другой стороны растущая индивидуализация означает увеличивающееся одиночество, неуверенность и тем самым рост сомнений в собственной роли во вселенной, в смысле своей жизни, растущее чувство бессилия и незначительности как индивида.

Если бы процесс развития человечества был гармоничным, если бы он следовал определенному плану, тогда обе стороны развития – растущая сила и растущая индивидуализация – были бы точно уравновешены. В действительности же история человечества полна конфликтов и борьбы. Каждый шаг в направлении растущей индивидуализации угрожает людям новой неуверенностью. Первичные узы, будучи разорванными, не могут быть восстановлены; человек не может вернуться в потерянный рай. Существует единственно возможное продуктивное решение для связи индивидуализированного человека с миром: его активное единение со всеми людьми, спонтанная активность, любовь и труд, которые снова соединят его с миром – но не первичными узами, а как свободного и независимого индивида.

Впрочем, если экономические, социальные и политические условия, от которых зависит весь процесс человеческой индивидуализации, не обеспечивают базис для реализации индивидуальности в упомянутом выше смысле, а в то же время люди утратили те узы, которые обеспечивали им безопасность, этот разрыв делает свободу невыносимым бременем. Тогда она становится идентична сомнению, жизни, не имеющей смысла и направления. Возникает сильное стремление бежать от такой свободы в направлении подчинения или к таким отношениям с людьми и миром, которые обещают облегчение неуверенности, даже если это лишает индивида его свободы.

Европейская и американская история после окончания Средневековья есть история полного пробуждения индивида. Этот процесс начался в Италии, во время Ренессанса, и только теперь, по-видимому, дошел до наивысшей точки. Потребовалось больше четырех столетий, чтобы сломать средневековый мир и освободить народы от наиболее тягостных запретов. Однако если во многих отношениях индивид вырос, развился умственно и эмоционально, достиг неслыханных ранее культурных высот, то и разрыв между «свободой от» и «свободой для» увеличился тоже. Результат этой диспропорции между свободой *от* любых уз и отсутствием возможности положительной реализации свободы и индивидуальности привел в Европе к паническому бегству от свободы в новые узы или по крайней мере в полное безразличие.

Мы начнем исследование значения свободы для современного человека с анализа культурной ситуации в Европе во времена Средневековья и начала современного периода. Экономический базис западного общества претерпел радикальные изменения, сопровождавшиеся столь же радикальной перестройкой структуры личности человека. Тогда и развилась новая концепция свободы, которая нашла наиболее значимое идеологическое выражение в новых религиозных доктринах – доктринах Реформации. Любое понимание свободы в современном обществе должно начинаться с изучения того периода, когда были заложены основы современной культуры; эта стадия формирования современного человека позволяет нам более ясно, чем на примере последующих эпох, увидеть неоднозначное значение свободы, которому предстояло пронизать современную культуру: с одной стороны, растущая независимость от внешней власти, с другой – усиливающаяся изоляция и порождаемое ею чувство незначительности и бессилия индивида. Наше понимание новых элементов в структуре личности углубляется благодаря изучению их истоков, поскольку анализ основных особенностей капитализма и индивидуализма в момент их зарождения позволяет соотнести их с экономической системой и типом личности, фундаментально отличающихся от наших. Именно этот контраст предоставляет возможность лучше выявить особенности современной социальной системы, то, как она формирует структуру характеров людей, живущих в данную эпоху, и новый дух, порожденный этими изменениями личности.

В следующей главе будет показано, что период Реформации более сходен с современностью, чем может показаться на первый взгляд: несмотря на все очевидные различия между этими двумя эпохами, нет, возможно, такого времени после шестнадцатого столетия, которое так напоминало бы наше в смысле двойственности значения свободы. Реформация пред-

ставляет собой один из корней идеи человеческой свободы и автономности, как они представлены в современной демократии. Хотя этот аспект всегда подчеркивается, особенно в некаатолических странах, другим аспектом – упором на греховность человеческой природы, незначительность и бессилие индивида, необходимость подчиняться внешней силе – пренебрегают. Идея о том, что индивид не имеет ценности, что он изначально неспособен полагаться на себя и испытывает потребность в подчинении – основная тема идеологии Гитлера, не включающая, однако, подчеркивания значения свободы и моральных принципов, что свойственно протестантизму.

Не только идеологическое сходство с XV и XVI столетиями представляет собой плодотворную исходную точку для понимания современного положения вещей. Имеет место также фундаментальное сходство в социальной ситуации. Я постараюсь показать, как это сходство приводит к идеологическому и психологическому сходству. Тогда, как и сейчас, традиционному образу жизни значительной части населения угрожали революционные изменения в экономической и общественной организации; тогда, как и сейчас, среднему классу в особенности угрожали монополии и мощь капитала. Эта опасность оказывала существенное влияние на дух и идеологию находящейся под давлением части общества, усиливая в человеке чувство одиночества и собственной незначительности.

III. Свобода в век Реформации

1. Средневековые предпосылки Ренессанса

Картина Средних веков искажена в двух отношениях. Современный рационализм смотрит на Средневековье исключительно как на темный период. Указывается на общее отсутствие личной свободы, на эксплуатацию масс населения незначительным меньшинством, на ограниченность, заставлявшую горожанина видеть в крестьянине из ближайшей деревни опасного и подозрительного чужака, не говоря уже о жителе другой страны, на суеверия и невежество. С другой стороны, Средние века идеализируются, в основном реакционными философами, но иногда и прогрессивными критиками современного капитализма. Они указывают на чувство солидарности, подчинение экономических интересов гуманитарным потребностям, непосредственность и конкретность отношений людей, наднациональные принципы католической церкви, ощущение надежности своего положения, характерное для человека Средневековья. Оба изображения верны; неправильными их делает предпочтение одного и игнорирование другого.

Говоря о «средневековом обществе» и «духе Средневековья» в противоположность «капиталистическому обществу», мы имеем дело с идеальными типами. На самом деле, конечно, Средние века не окончились внезапно в один момент и современное общество не возникло в другой. Все экономические и общественные силы, характеризующие современное общество, уже развивались в XII, XIII, XIV столетиях. В позднее Средневековье возрас- тала роль капитала, как и антагонизм между общественными классами в городах. Как всегда в истории, все элементы новой социальной системы уже развились при прежнем порядке, на смену которому пришел новый. Хотя важно видеть, как много современных элементов существовало в позднем Средневековье и как много средневековых продолжают существовать сейчас; однако понимание исторического процесса застопорится, если подчеркивать непрерывность их существования, пытаться минимизировать фундаментальные различия между средневековым и современным обществом или отвергать концепции «средневекового общества» и «капиталистического общества» как ненаучные. Такие попытки под видом научной объективности и точности сводят социологические исследования к сбору бесчисленных деталей и мешают пониманию структуры общества и его динамики.

Что отличает средневековое общество от современного, так это отсутствие индивидуальной свободы. В ранний период каждый был прикован к своей роли в общественном порядке. У человека почти не было шанса перейти из одного социального класса в другой, он даже в географическом смысле был ограничен – трудно было перебраться из одного города в другой или из одной страны в другую. За немногими исключениями человек должен был оставаться там, где был рожден. Человек часто был лишен возможности даже одеваться, так, как хотел, и есть то, что ему нравилось. Ремесленник был обязан продавать произведенное им по установленной цене, а крестьянин – в определенном месте: на рынке города. Члену гильдии было запрещено раскрывать какие-либо технические секреты своего производства любому, кто не являлся членом той же гильдии; он был обязан разделять с членами своей гильдии всякое выгодное предложение по приобретению сырья. Личная, экономическая и общественная жизнь регламентировалась правилами и обязательствами практически во всех сферах деятельности без исключений.

Однако хотя человек не был свободен в современном значении слова, он не был ни одинок, ни изолирован. Имея определенное, неизменное и не подвергаемое сомнению место в обществе с момента рождения, индивид был укоренен в структурированном целом; тем

самым его жизнь имела значение, не оставлявшее места и нужды в сомнениях. Человек оставался идентичен своей роли в обществе: он был крестьянином, ремесленником, рыцарем, а не *индивидом*, по воле случая имевшим то или иное занятие. Социальный порядок воспринимался как естественный, и определенное место в нем давало ощущение безопасности и принадлежности. Существовала очень небольшая конкуренция. Человек рождался с неким экономическим положением, которое гарантировало средства к существованию в соответствии с традицией, точно так же, как и экономические обязательства по отношению к вышестоящему в социальной иерархии. Однако в пределах своего общественного положения индивид на самом деле пользовался большой свободой самовыражения в труде и в эмоциональной жизни. Хотя индивидуализма в современном смысле – неограниченного выбора между многими вариантами образа жизни (выбора, в значительной мере абстрактного) – не существовало, имели место проявления значительного *конкретного индивидуализма в реальной жизни*.

Вмешательство церкви делало более терпимыми страдания и боль, которые объяснялись грехопадением Адама и собственными грехами каждого человека. Хотя церковь воспитывала чувство вины, она также заверяла в своей безоговорочной любви ко всем своим детям и предлагала способ увериться в прощении и любви Бога. Отношения с Богом предполагали в большей мере уверенность и любовь, а не сомнения и страх. Так же как крестьянин и горожанин редко выходили за пределы той маленькой географической окрестности, которую считали своей, так и вселенная казалась ограниченной и простой для понимания. Земля и человек были ее центром, небеса или ад – будущим местом пребывания, все действия человека от рождения до смерти – прозрачными как связь причин и следствий.

Хотя общество, таким образом структурированное, и обеспечивало индивиду безопасность, однако оно налагало на него оковы. Это были оковы другого вида, чем те, которые создавали в последующие столетия авторитаризм и угнетение. Средневековое общество не лишало индивида его свободы, потому что «индивид» еще не существовал; человек все еще был привязан к миру первичными узами. Он еще не воспринимал себя иначе, чем как исполнителя социальной роли (которая тогда была и его естественной ролью). Других людей он тоже не воспринимал как «индивидов». Крестьянин, пришедший в город, был чужаком, и даже в родном городе представители разных социальных групп были друг для друга чужаками. Осознание собственной индивидуальности, индивидуальности других, мира как отдельных сущностей еще развилось не вполне.

Отсутствие осознания себя индивидом в средневековом обществе нашло классическое выражение в его описании Я. Буркхардтом: «В средние века обе стороны сознания – обращенного человеком к миру и к своей внутренней жизни – пребывали как бы под неким общим покровом, в грезе и полудремоте. Этот покров был соткан из веры, детской робости и иллюзии; сквозь него мир и история представляли в странной окраске, а человек познавал себя только как часть расы, народа, партии, корпорации, семьи или какой-либо другой формы общности»⁷.

В конце Средневековья структура общества и личности человека изменилась. Единство и централизация средневекового общества сделались слабее. Увеличилась важность капитала, личной экономической инициативы и конкуренции; развился новый финансовый класс. Растущий индивидуализм был замечен во всех классах общества и влиял на все сферы человеческой деятельности, вкусы, моду, искусство, философию и теологию. Хочу подчеркнуть, что этот процесс в целом имел разное значение для небольшой группы богатых преуспевающих капиталистов, с одной стороны, и массы крестьян и особенно представителей городского среднего класса, для которых это новое развитие означало в определенной мере

⁷ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юрист, 1996. Перевод Н.Н. Балашова, И.И. Маханькова.

богатство и шанс проявить личную инициативу, но и угрозу традиционному образу жизни. Важно с самого начала учитывать это различие, поскольку психологическая и идеологическая реакция разных групп населения именно этим различием и определялась.

Новое экономическое и культурное развитие происходило в Италии более интенсивно и с более явными отзвуками в философии, искусстве и во всем стиле жизни, чем в странах Западной и Центральной Европы. В Италии впервые индивид высвободился из феодального общества и разорвал узы, дававшие ему безопасность и одновременно сковывавшие его. Итальянец времен Возрождения стал, по словам Буркхардта, первенцем среди сынов современной Европы, стал первым индивидом.

Есть множество экономических и политических факторов, определивших более раннее разрушение средневекового общества в Италии, чем в Центральной и Западной Европе. Среди них – географическое положение Италии и связанные с ним коммерческие преимущества во времена, когда Средиземное море было великим торговым путем Европы; борьба между папами и императорами, которая привела к возникновению большого числа независимых политических образований; близость Востока, следствием чего оказалось овладение некоторыми технологиями, важными для промышленного развития, как, например, производством шелка, что произошло в Италии много раньше, чем в других частях Европы.

В силу этих и других условий в Италии произошло возвышение мощного финансового класса, члены которого были полны духа предприимчивости, стремления к власти, амбиций. Стратификация феодального общества стала менее важна. Начиная с XII века, нобили и бюргеры жили вместе в стенах одних и тех же городов. При общественных контактах кастовые различия стали игнорироваться. Происхождение имело меньше значения, чем богатство. С другой стороны, традиционная социальная стратификация в массах также была поколеблена. Вместо нее теперь в городах жили эксплуатируемые и политически подавляемые работники. Еще в 1231 году, как отмечает Буркхардт, политические меры Фридриха II были направлены на полное уничтожение феодального государства, превращение населения в лишенную воли и средств сопротивления массу, приносящую наибольшую выгоду казначейству.

Результатом этого прогрессивного разрушения средневековой социальной структуры было появление индивида в современном значении слова. Снова процитируем Буркхардта: «В Италии этот покров впервые развеивается; пробуждается *объективное* видение государства и *объективное* к нему отношение, как и ко всему миру вообще; вместе с этим с полной силой заявляет о себе *субъективное* начало, человек становится духовным *индивидом* и познает себя таковым. Так некогда возвысились греки над варварами, арабы как индивиды – над другими жителями Азии как людьми расы».

Описание духа этого нового индивида Буркхардтом иллюстрирует то, что было сказано в предыдущей главе об освобождении индивида от первичных уз. Человек открывает себя и других как индивидов, как отдельные сущности; он открывает, что природа – нечто отдельное от него в двух аспектах: как объект теоретического и практического покорения и как объект удовольствия от ее красоты. Человек открывает мир – на практике обнаруживая новые континенты, и духовно – развивая дух космополитизма, дух, о котором Данте мог сказать: «Моя страна есть весь мир».

Главные положения Буркхардта были подтверждены и дополнены одними авторами, но оспорены другими. Более или менее согласны с Буркхардтом В. Дильтей и Э. Кассирер. С другой стороны, некоторые авторы резко критиковали Буркхардта. Й. Хёйзинга указывает, что Буркхардт недооценивает степень схождения между жизнью масс в Италии и в других европейских странах в позднем Средневековье; что он относит начало Ренессанса примерно к 1400 году, хотя большая часть данных, используемых им для иллюстрации своих выводов, относится к XV или началу XVI века; что Буркхардт недооценивает христианский харак-

тер Ренессанса и преувеличивает роль языческого элемента в нем; что считает индивидуализм доминирующей особенностью культуры Ренессанса, в то время как он был лишь одной из многих; что люди в Средневековье были не настолько лишены индивидуальности, как считает Буркхардт, а потому его сравнение Средневековья с Ренессансом некорректно; что во времена Ренессанса люди оставались так же преданы авторитетам, как в Средние века; что средневековый мир не был так враждебен мирским наслаждениям, а Ренессанс – так оптимистичен, как полагает Буркхардт; что установка современного человека, а именно, его стремление к личным достижениям и к развитию личности есть всего лишь семя, посеянное Ренессансом; что уже в XIII веке трубадуры развивали идею аристократии сердца, в то время как Ренессанс вовсе не порвал со средневековой концепцией личной преданности и служения кому-то высшему в социальной иерархии.

Мне представляется, впрочем, что даже если эти доводы верны в частностях, они не обесценивают общих положений Буркхардта. На самом деле возражения Хёйзинги сводятся к принципу: Буркхардт неправ, потому что часть феноменов, которые он относит к Ренессансу, в Западной и Центральной Европе существовали уже в позднем Средневековье, в то время как другие возникли только по окончании Ренессанса. Это те самые доводы, которые приводились против всех концепций, противопоставляющих феодальное общество современному капиталистическому; все, что говорилось по поводу этих аргументов выше, остается верным и для критики Буркхардта. Буркхардт смотрел на главные количественные различия, как если бы они были качественными, однако мне представляется, что ему хватило проницательности ясно увидеть особенности и динамику тенденций, которые из количественных постепенно превратились в качественные. Применительно к проблемам, обсуждающимся в этой книге, его замечания относительно неуверенности, обреченности и отчаяния как следствия усиливающейся конкурентной борьбы за самоутверждение, на мой взгляд, особенно важны.

Ренессанс был культурой богатого и могущественного высшего класса, вознесенного на гребень штормовой волны, вызванной новыми экономическими силами. Массы, не разделявшие богатства и власти правящей группы, лишились надежности своего прежнего статуса и превратились в бесформенное нечто, объект то лести, то давления, но всегда подвергавшийся манипулированию и эксплуатации властью. Новый деспотизм рос рука об руку с новым индивидуализмом. Свобода и тирания, индивидуальность и беспорядок были неразрывно переплетены. Ренессанс не был культурой мелких лавочников и мелких буржуа – это была культура богатых нобилей и бюргеров. Их экономическая активность и богатство давали им ощущение свободы и чувство индивидуальности. Однако одновременно те же самые люди что-то и утратили: безопасность и принадлежность, которые предлагала средневековая социальная структура. Они стали более свободными, но и более одинокими. Они пользовались своей властью и богатством, чтобы выжать из жизни удовольствия до последней капли, но для этого им приходилось безжалостно пользоваться любыми средствами, от физических пыток до психологической манипуляции, чтобы управлять массами и справляться с конкурентами в собственном классе. Все человеческие отношения были отравлены этой яростной борьбой не на жизнь, а на смерть для сохранения власти и богатства. Солидарность со своими соплеменниками – или хотя бы с членами собственного класса – была заменена отстраненным циничным отношением; другие люди рассматривались как «объекты», которыми следует пользоваться и манипулировать, а если нужно, то безжалостно уничтожать. Человек был захвачен страстным эгоцентризмом, ненасытной жадностью власти и денег. В результате всего этого отношение успешного индивида к собственной личности, чувство безопасности и уверенности тоже оказывались отравленными. Его собственная индивидуальность становилась для него таким же объектом манипуляций, как и другие люди. У нас есть основания сомневаться в том, что могущественные хозяева жизни во времена ренес-

санского капитализма были так счастливы и уверены в себе, как это часто изображается. Представляется, что новая свобода принесла им две вещи: увеличившееся ощущение силы, но в то же время усилившуюся изоляцию, сомнения, скептицизм (по Хёйзинге) и как результат – тревожность. Это те же противоречия, которые мы находим в философских трактатах гуманистов. Попутно с акцентом на человеческое достоинство, индивидуальность и силу в них обнаруживаются неуверенность и отчаяние.

Эта глубинная неуверенность, проистекающая из положения одинокого человека во враждебном мире, может объяснить возникновение черты характера, которая, как отмечает Буркхардт, была свойственна человеку Ренессанса в отличие от члена средневекового общества (у которого, по крайней мере, она была не столь выражена): страстной жажды славы. Если смысл жизни стал сомнителен, если отношения с другими и с самим собой не обеспечивают безопасности, тогда слава оказывается средством заглушить собственные сомнения. Слава приобретает функцию, сходную с функцией египетских пирамид или христианской веры в бессмертие души: она возвышает человека над ограничениями и неустойчивостью жизни до уровня неразрушимости; если имя человека известно его современникам и если можно надеяться, что оно сохранится в веках, то жизнь человека приобретает смысл и значение именно как отражение суждений других людей. Очевидно, что такое решение было возможно только для социальной группы, члены которой обладали действительными средствами достижения славы. Это не было решение, доступное бессильным представителям той же культуры; не обнаружим мы его и у городского среднего сословия, которому предстояло сделаться главной опорой Реформации.

Мы начали с обсуждения Ренессанса, потому что на этот период приходится начало современного индивидуализма, а также потому, что работа, проделанная историками, проливает некоторый свет на те самые факторы, которые имеют значение для главного процесса, анализируемого в этой книге, а именно, на переход человека из доиндивидуалистического состояния в то, когда он полностью осознал себя как отдельную сущность. Однако несмотря на то, что идеи Ренессанса оказали несомненное влияние на последующее развитие европейского мышления, основные истоки современного капитализма, его экономическая структура и его дух не могут быть обнаружены в итальянской культуре позднего Средневековья; они лежат в экономической и социальной ситуации в Центральной и Западной Европе и в доктринах Лютера и Кальвина.

Главное различие между двумя культурами таково: период Ренессанса характеризовался относительно высоким развитием коммерческого и промышленного капитализма; в обществе правила небольшая группа богатых и могущественных индивидов, что и создавало социальный базис для философов и художников, выразивших дух этой культуры. Реформация, с другой стороны, представляла собой религиозное движение городских среднего и низшего классов и крестьянства. В Германии тоже были богатые дельцы, такие как Фуггеры, но новые религиозные доктрины их не привлекали; не были они и главной движущей силой развития современного капитализма. Как показал Макс Вебер, именно городское среднее сословие стало главной опорой современного развития капитализма на Западе. Учитывая полное различие социальных предпосылок Ренессанса и Реформации, можно было бы ожидать, что эти два течения окажутся очень разными. При обсуждении теологии Лютера и Кальвина некоторые из различий станут ясно видны по их следствиям. Наше внимание будет сосредоточено на вопросе о том, как освобождение от индивидуальных уз влияло на структуру характера представителей городского среднего сословия; мы постараемся показать, что протестантизм и кальвинизм, хотя и давали выражение новому чувству свободы, одновременно обеспечивали бегство от бремени свободы.

Сначала мы обсудим, какова была экономическая и социальная ситуация в Европе, особенно в Центральной Европе, в начале XVI столетия, а потом посмотрим, какое воздействие

она оказала на личность человека, жившего в этот период, какое отношение учения Лютера и Кальвина имели к психологическим факторам, и как были связаны эти новые религиозные доктрины с духом капитализма.

В средневековом обществе организация жизни в городе была относительно статичной. С конца Средневековья ремесленники были объединены в гильдии. Каждый мастер имел одного или двух подмастерьев; число мастеров в определенной мере зависело от потребностей общины. Хотя всегда существовали те, кому приходилось тяжело трудиться, чтобы заработать достаточно для выживания, в целом член гильдии мог быть уверен, что проживет благодаря своему труду. Если ремесленник изготавливал хорошие стулья, башмаки, булки, седла и т. д., он мог быть уверен в безопасном существовании на уровне, традиционно определявшимся его общественным положением. Он мог полагаться на свои «добрые дела», если использовать этот термин не в теологическом, а просто в экономическом значении. Гильдии блокировали любую сильную конкуренцию между своими членами и обеспечивали кооперацию в отношении покупки сырья, технологии производства и цен на продукцию. В противоположность тенденции идеализировать систему гильдий, как и средневековую жизнь в целом, некоторые историки указывают, что гильдиям всегда был свойствен монополистический дух, стремление оказать протекцию маленькой группе и исключить новичков. Большинство авторов, впрочем, согласны в том, что даже если не идеализировать гильдии, несомненно, что они были основаны на взаимном сотрудничестве и обеспечивали безопасность своим членам.

Средневековая *коммерция* в целом, как отмечает В. Зомбарт, была делом множества очень мелких торговцев. Оптовая и розничная торговля еще не отделились друг от друга, и даже те купцы, которые отправлялись в зарубежные страны, как, например, члены северонемецкой Ганзы, торговали и в розницу. Накопление капитала было очень медленным до конца XV столетия. Таким образом, мелкие дельцы пользовались значительно большей безопасностью по сравнению с экономической ситуацией Средних веков, когда возрастала важность больших капиталов и монополистической торговли. «Многое из того, что стало теперь механическим, – говорит Р. Г. Тоуни, – тогда было личным, дружеским и прямым; немного места имелось для организаций, слишком больших по стандартам, прилагаемым к индивиду, и для доктрины, которая устраняла бы угрызения совести и закрывала все счета окончательным доводом экономической целесообразности».

Это приводит нас к положению, основополагающему для понимания позиции индивида в средневековом обществе, его этических взглядов касательно *экономической деятельности*, как они выражались не только в доктрине католической церкви, но и в светских законах. Мы следуем в рассмотрении этого вопроса Р. Г. Тоуни, поскольку его нельзя заподозрить в попытке идеализировать или романтизировать средневековый мир. Базовых утверждений по поводу экономической жизни имеется два: «*Экономические интересы подчинены настоящему делу жизни, которым является спасение души*; экономическое поведение есть аспект личного поведения, для которого, как и для всего прочего, обязательны правила морали».

Тоуни подробно рассматривает средневековые взгляды на экономическую деятельность: «Материальные богатства необходимы, хотя и имеют вторичное значение: без них люди не могут содержать себя и помогать другим. Однако экономические мотивы вызывают подозрения, они будят алчность; люди их опасаются и не настолько низки, чтобы ими восхищаться... В средневековой теории нет места экономической активности, которая не была бы связана с моральными целями; основывать науку об обществе на предположении, что стремление к выгоде есть постоянная и измеряемая сила, которую следует принимать, как все другие природные силы, как неизбежную и очевидную данность, средневековому мыслителю казалось бы не менее иррациональным и аморальным, чем положить в основу социальной философии неограниченное действие таких неизбежных человеческих качеств, как

драчливость и половой инстинкт... Богатства, как говорит святой Антоний, существуют для человека, а не человек для богатств... Поэтому на каждом шагу есть пределы, ограничения, предостережения против того, чтобы позволить экономическим интересам вмешиваться в серьезные дела. Для человека правильно искать такого богатства, которое необходимо для жизни в его положении. Искать больше – не предприимчивость, а алчность, а алчность – смертный грех. Торговля законна, разные ресурсы в разных странах показывают, что она входила в намерения Провидения. Однако дело это опасное. Человек должен быть уверен, что занимается торговлей для общего блага, и что доход, который он получает, не более чем плата за его труд. Частная собственность – необходимое установление, по крайней мере в этом греховном мире, люди работают больше, а спорят меньше, когда добро принадлежит частному лицу, чем когда оно – общее. Однако терпеть ее нужно как уступку человеческой слабости, а не хвалить и желать саму по себе; идеал – если только человеческая природа способна до него подняться – есть коммунизм. “Ибо всему, – писал Грациан в своем Декрете, – что есть в этом мире, надлежало бы быть общим достоянием всех людей”. Действительно, в лучшем случае богатство обременительно. Обретать его следует законно. Оно должно принадлежать как можно большему числу людей. Оно должно употребляться для поддержки бедняков. Его использование должно, насколько это практически возможно, быть общим. Его владельцы должны быть готовы делиться с теми, кто испытывает нужду, даже если те не нищенствуют».

Хотя эти взгляды выражают нормы и не являются точной картиной реальной экономической жизни, они в определенной мере отражают дух средневекового общества.

Относительная устойчивость положения ремесленников и торговцев, характерная для средневекового города, в позднем Средневековье медленно подтачивалась, пока окончательно не рухнула в XVI столетии. Усиливающаяся дифференциация внутри гильдий началась в XIV веке, если не раньше, и продолжалась, несмотря на все попытки ее остановить. Некоторые члены гильдий обладали большим капиталом, чем другие, и нанимали пять-шесть подмастерьев вместо одного или двух. Вскоре некоторые гильдии начали допускать в число своих членов только тех, кто обладал определенным капиталом. Другие сделались могущественными монополиями, старающимися извлечь все преимущества из своего монопольного положения и как можно больше наживаться на клиентах. С другой стороны, многие члены гильдий впадали в нищету и были вынуждены искать заработок помимо своего традиционного занятия; часто они становились мелкими торговцами на стороне. Они утрачивали свою экономическую независимость и безопасность, хотя отчаянно цеплялись за традиционный идеал экономической самостоятельности.

В связи с таким развитием системы гильдий положение подмастерьев все ухудшалось. Хотя в промышленности Италии и Фландрии класс недовольных работников существовал уже в XIII веке или даже раньше, положение подмастерьев в гильдиях оставалось относительно надежным. Хотя не каждый подмастерье мог стать мастером, многим это все-таки удавалось. Однако по мере того как число подмастерьев у одного мастера росло, для того, чтобы стать мастером, требовался все больший капитал, а гильдии приобретали все более монополистический и недоступный характер, все меньше возможностей оставалось у подмастерьев. Ухудшение их экономического и социального положения проявлялось в росте недовольства, в появлении их собственных объединений, в забастовках и даже бунтах.

То, что было сказано о нарастающем капиталистическом развитии гильдий ремесленников, еще более очевидно в отношении *коммерции*. Если средневековая торговля была в основном мелким внутригородским предпринимательством, то в XIV и XV веках быстро росла общенациональная и международная коммерция. Хотя историки расходятся во мнениях о том, когда именно начали развиваться большие торговые компании, все согласны с тем, что в XV веке они становились все более могущественными, превращались в монопо-

лии и благодаря превосходящей силе капитала угрожали как мелким предпринимателям, так и потребителям. Реформа императора Сигизмунда в XV столетии была направлена на ограничение могущества монополий законодательными средствами. Однако положение мелкого торговца становилось все более и более ненадежным; он «хоть и имел достаточно влияния, чтобы его жалобы были услышаны, но этого было мало, чтобы привести к эффективным действиям».

Возмущение и ярость мелкого торговца в адрес монополий нашли красноречивое выражение в памфлете Лютера «О торговле и ростовщичестве», опубликованном в 1524 году: «Они имеют под своим контролем все товары, без стеснения используют все трюки, о которых говорилось, они повышают и понижают цены, как пожелают, угнетают и разоряют всех мелких торговцев, как щуки мелких рыбешек в реке, словно они господа над божьими тварями и свободны от всех законов веры и любви». Эти слова Лютера могли бы быть написаны сегодня. Страх и злоба, которые средний класс питал в адрес богатых монополистов в XV и XVI веках, во многом сходны с чувствами, характеризующими отношение среднего класса к монополиям и могущественным капиталистам в наше время.

В *промышленности* роль капитала также росла. Одним из ярких примеров служит добывающая промышленность. Изначально доля каждого члена гильдии горняков находилась в пропорции с объемом выполняемых им работ. Однако к XV столетию во многих случаях паи принадлежали капиталистам, которые сами не работали, а работа все больше выполнялась наемными работниками, не имевшими своей доли в предприятии. Такое же капиталистическое развитие происходило и в других отраслях промышленности, что усиливало тенденцию к расслоению общества на богатых и бедных и усилению недовольства бедняков вследствие роста роли капитала в ремесленных гильдиях и в торговле.

Что касается положения крестьянства, мнения историков расходятся. Впрочем, с анализом, проведенным Дж. С. Шапиро, согласно большинство ученых. «Несмотря на свидетельства процветания, положение крестьянства быстро ухудшалось. В начале XVI века только очень немногие земледельцы были независимыми собственниками земли, которую обрабатывали, и имели представительство в местных органах управления, что в Средние века было признаком классовой независимости и равенства. Подавляющее большинство принадлежало к *Höfinge*, классу лично свободных крестьян, земли которых, однако, облагались налогами; они также были обязаны выполнять многочисленные повинности... Именно *Höfinge* были главной опорой всех крестьянских восстаний. Средний крестьянин, живущий в полунезависимой общине рядом с поместьем аристократа, постепенно осознал, что рост податей и повинностей превращал его практически в крепостного, а деревенские земли – в часть господского имения».

Экономическое развитие капитализма сопровождалось значительными изменениями в *психологической атмосфере*. К концу Средневековья жизнь людей оказалась проникнута духом беспокойства. Начала развиваться концепция времени в современном понимании. Минуты сделались ценностью; симптомом этого нового чувства времени можно считать тот факт, что с XVI века куранты в Нюрнберге начали отбивать четверти часа. Слишком большое количество праздников стало казаться несчастьем. Время было настолько ценным, что человек чувствовал: не следует тратить его на что-то бесполезное. Труд все больше рассматривался как высшая ценность. Это новое отношение к работе было настолько настоятельным, что представители среднего класса начали возмущаться экономической непроизводительностью церковных учреждений. Нищенствующие монашеские ордена вызывали неприятие как непродуктивные, а следовательно – аморальные.

Эффективность стала играть роль одной из высочайших добродетелей. Одновременно с этим стремление к богатству и материальному успеху сделалось всепоглощающей страстью. «Весь мир, – говорил проповедник Мартин Бютцер, – помешан на тех занятиях, кото-

рые дают наибольшую выгоду. Наукам и искусствам изменяют ради гнуснейшего ручного труда. Те умелые руки, которым Господом была дарована способность к благородным деяниям, оскверняются коммерцией, которая в наши дни так пронизана бесчестностью, что стала последним делом, которым следовало бы заниматься благородному человеку».

Одно из самых заметных следствий тех экономических перемен, о которых мы говорили, коснулось всех. Средневековая социальная система распалась, а с ней исчезла стабильность и относительная безопасность, которую она предлагала индивиду. Теперь, с приходом капитализма, все классы общества пришли в движение. Больше не было фиксированного места в экономической структуре, которое могло бы считаться естественным, не подлежащим сомнению. *Человек остался в одиночестве; все теперь зависело от его собственных усилий, а не от надежности его традиционного статуса.*

Впрочем, это развитие оказало разное воздействие на разные классы. Для бедных горожан, работников и подмастерьев, оно означало растущую эксплуатацию и обнищание; для крестьян – рост экономического и личного давления; мелкому дворянству тоже грозило разорение, пусть и другого рода. Хотя для этих классов перемены были в основном к худшему, для городского среднего класса ситуация оказывалась значительно более сложной. Мы уже говорили о растущем расслоении в его рядах. Значительная его часть попала во все ухудшающееся положение. Многие ремесленники и мелкие торговцы были вынуждены уступать монополистам и конкурентам, обладавшим большим капиталом, так что им было все труднее сохранять независимость. Им приходилось сражаться с несравнимо превосходящими силами, и для многих это была отчаянная и безнадежная борьба. Другие представители среднего класса преуспевали больше и пользовались общей восходящей тенденцией поднимающегося капитализма. Однако даже для этих более удачливых дельцов увеличивающаяся роль *капитала, рынка, конкуренции* меняла их личную ситуацию, приводя к неуверенности, изоляции, тревоге.

Решающее значение, которое приобрел капитал, означало, что экономику и тем самым личную судьбу человека определяла сверх-личностная сила. Капитал «перестал быть слугой и сделался господином. Обретя отдельную, независимую жизнь, он потребовал как доминирующий партнер права диктовать экономическую организацию в соответствии с собственными жесткими требованиями».

Сходное влияние оказывала и новая функция рынка. Средневековый рынок был относительно невелик, и его функционирование было нетрудно понять. Он создавал прямые и конкретные отношения между спросом и предложением. Производитель примерно знал, сколько продукции произвести, и был относительно уверен в том, что сможет продать ее по надлежащей цене. Теперь же приходилось производить изделия в расчете на постоянно растущий рынок, и заранее определить перспективы сбыта было нельзя. Таким образом, оказывалось недостаточно изготовлять полезные предметы. Хотя польза оставалась одним из условий их продажи, непредсказуемые законы рынка диктовали, будет ли товар продан и какой принесет доход. Новый рыночный механизм напоминал кальвинистскую доктрину предопределения, согласно которой каждый человек должен стараться быть добродетельным, однако еще до его рождения было решено, спасется ли он. День рынка сделался судным днем для результатов человеческих усилий.

Другим важным фактором в этом контексте была растущая роль конкуренции. Хотя она, несомненно, не отсутствовала в средневековом обществе полностью, феодальная экономическая система основывалась на принципе кооперации и регулировалась – или, скорее, регламентировалась – правилами, которые сдерживали конкуренцию. По мере подъема капитализма средневековые принципы все больше уступали место индивидуальной предприимчивости. Каждый индивид должен был попытаться счастья – выплыть или пойти ко дну.

Другие были ему не союзниками, а соперниками, и часто у человека не оставалось выбора – он должен был уничтожить конкурента, чтобы не быть уничтоженным самому.

Конечно, роль капитала, рынка, индивидуальной конкуренции в XVI веке была не так важна, как впоследствии, однако все же к тому времени все основные элементы капитализма уже существовали, как и их психологическое влияние на индивида. Мы только что показали одну сторону картины, но имелась и другая: капитализм освободил человека, освободил от регламентации корпоративной системы, позволил ему стоять на своих ногах и самому пытаться счастья. Человек стал хозяином своей судьбы, сам рисковал, сам получал выгоду. Личные усилия могли привести его к успеху и экономической независимости. Деньги сделались великим уравниателем, стали значить больше, чем происхождение или сословная принадлежность.

Эта сторона капитализма еще только начинала развиваться в ранний период, о котором мы говорим. Она играла большую роль для небольшой группы богатых капиталистов, чем для городского среднего класса. Впрочем, даже при той эффективности, которой тогда обладал капитализм, он оказывал важное влияние на формирование личности человека. Если суммировать теперь обсуждение воздействия на индивида социальных и экономических перемен в XV и XVI веках, мы получим следующее.

Имела место та же двойственность свободы, как и та, что мы обсуждали выше. Индивид освобождается от оков экономических и политических связей. Он также выигрывает в плане позитивной свободы благодаря активной и независимой роли, которую должен играть в новой системе. Однако одновременно он лишается и связей, обеспечивавших раньше его безопасность и чувство принадлежности к сообществу. Человек теперь не проживает жизнь в закрытом мире, центром которого он является; мир сделался безграничным и одновременно угрожающим. Теряя определенное место в закрытом мире, человек теряет ответ на вопрос о смысле жизни; в результате он начинает сомневаться в себе и цели своего существования. Ему угрожают могущественные внешние силы: капитал и рынок. Его отношения с согражданами, каждый из которых является потенциальным конкурентом, делаются враждебными и напряженными; он свободен – а значит, одинок, ему угрожают со всех сторон. Не имея богатства и власти, которыми располагал капиталист в эпоху Ренессанса, лишившись чувства единения с людьми и миром, человек становится охвачен чувством своего личного ничтожества и беспомощности. Рай потерян навсегда, индивид остается в одиночестве лицом к лицу с жизнью – чужак, брошенный в безграничном и угрожающем мире. Новая свобода неизбежно вызывает чувства глубокой неуверенности, бессилия, сомнений, изоляции и тревоги. Чтобы человек мог действовать успешно, эти чувства должны найти облегчение.

2. Период Реформации

На этом этапе развития появляются лютеранство и кальвинизм. Новые религиозные течения были религией не богатых высших слоев общества, а городского среднего класса, горожан-бедняков и крестьян. Для этих групп они были привлекательны, потому что позволяли выразить новое чувство свободы и независимости и отражали охватившие людей ощущение бессилия и тревоги. Однако новые религиозные доктрины давали больше, чем ясное выражение чувств, порожденных меняющейся экономической ситуацией. Новые учения усиливали эти чувства и в то же время предлагали решения, позволяющие индивиду справляться с невыносимой неуверенностью, которая иначе была бы непреодолимой.

Прежде чем начать анализ общественной и психологической значимости новых религиозных учений, необходимо привести некоторые замечания по поводу нашего подхода, которые сделают более понятным дальнейшее изложение. Изучая психологическое значение религиозной или политической доктрины, нужно в первую очередь иметь в виду, что психологический анализ не предполагает суждения об ее истинности. Ответ на этот вопрос может быть найден только в терминах логической структуры проблемы как таковой. Анализ мотивации, лежащей в основе определенного религиозного учения или идеи, никак не может заменить рационального суждения о важности доктрины или предлагаемых ею ценностей, хотя такой анализ может вести к лучшему пониманию ее реального смысла и тем самым к ее оценке.

Психологический анализ доктрины может показать субъективную мотивацию, которая заставляет индивида осознать определенные проблемы и искать пути их решения в определенном направлении. Любая мысль, истинная или ложная, если это не поверхностное согласие с общепринятыми идеями, бывает мотивирована субъективными потребностями и интересами человека, у которого эта мысль возникла. Некоторые интересы подкрепляются поиском истины, другие – наоборот. Однако в обоих случаях психологическая мотивация – важное побуждение для того, чтобы прийти к определенным заключениям. Мы можем пойти даже дальше и утверждать, что идеи, не коренящиеся в сильнейших потребностях человека, окажут мало влияния на его поступки и на всю жизнь.

При анализе религиозных или политических учений применительно к их психологической значимости нужно различать две проблемы. Можно изучать структуру характера индивида, создавшего новую доктрину, и пытаться понять, какие черты его личности несут ответственность за направление его мышления. Говоря конкретно, это означает, например, что мы должны изучать структуру характера Лютера или Кальвина, чтобы выяснить, какие особенности личности побудили их прийти к определенным заключениям и сформулировать определенные доктрины. Другая проблема – изучение психологических мотивов не создателя учения, а социальной группы, в которой доктрина нашла отклик. Влиятельность любой доктрины или идеи зависит от степени ее соответствия психическим потребностям и структуре характера тех, к кому она обращена. Только если идея отвечает сильным психологическим устремлениям определенной социальной группы, она станет влиятельной исторической силой.

Обе проблемы – психология как вождя, так и его последователей – конечно, тесно связаны друг с другом. Если их привлекают одни и те же идеи, то структура их личности должна быть сходной во многих важных аспектах. Помимо таких факторов, как особый талант мыслителя и предводителя со стороны вождя, в его личности обычно особенно ярко проявляются те черты, которые свойственны людям, для которых его идеи привлекательны; он может дать более ясную и откровенную формулировку определенных идей, к восприятию которых его последователи уже готовы психологически. Тот факт, что в структуре личности вождя более

резко проявляются некоторые черты, свойственные его последователям, может быть следствием двух факторов или их комбинации: во-первых, его общественное положение может быть типично для тех условий, которые формируют личности всех членов группы; во-вторых, это могут быть случайные обстоятельства его воспитания и его личный опыт, в результате чего те же черты развиваются у него в более выраженной степени, чем у других членов социальной группы.

При анализе психологической значимости протестантизма и кальвинизма мы рассмотрим не личности Лютера и Кальвина, а психологическую ситуацию в тех социальных классах, для которых их идеи были привлекательны. Хочу только коротко упомянуть, прежде чем перейти к обсуждению теологии Лютера, что Лютер как человек был типичным носителем «авторитарного характера», который будет рассмотрен ниже. Будучи воспитан необычайно суровым отцом и не испытав в детстве чувств любви и защищенности, Лютер постоянно разрывался двойственным отношением к власти; он ненавидел ее и восставал против нее, но в то же время восхищался ею и стремился подчиниться ей. На протяжении всей его жизни всегда существовал один авторитет, которому он противостоял, и другой, перед которым он преклонялся, – отец и вышестоящая братия в монастыре в юности, папа и светские князья впоследствии. Лютера переполняли чувства одиночества, бессилия, греховности, однако одновременно он жаждал повелевать. Его преследовали сомнения, какие только может порождать маниакальный характер, он постоянно искал что-то, что дало бы ему внутреннюю опору и облегчило бы муки неуверенности. Он ненавидел других, особенно «чернь», ненавидел себя, ненавидел жизнь; из этой ненависти возникла страстная и отчаянная жажда быть любимым. Все существо Лютера было проникнуто страхом, сомнениями и внутренней изоляцией, и именно на этом личностном базисе выросло то, что сделало Лютера вождем тех социальных групп, которые психологически находились в таком же положении.

Представляется полезным сделать еще одно замечание по поводу последующего анализа. Целью любого психологического анализа мыслей или идеологии человека является понимание психологических корней, из которых эти мысли и идеи произросли. Первым условием такого анализа является полное понимание логического контекста идеи, того, что автор осознанно хочет сказать. Впрочем, мы знаем, что человек, даже если он субъективно искренен, часто может бессознательно руководствоваться иным мотивом, чем думает; он может использовать концепцию, логически предполагающую определенный смысл, но для него подсознательно имеющую совсем иное значение, чем это «официальное». Более того, мы знаем, что человек может пытаться сгладить определенные противоречия в собственных чувствах при помощи идеологических конструкций или замаскировать подавляемую идею рационализацией⁸, выражающей нечто прямо противоположное. Понимание действия неосознаваемых элементов учит нас скептическому отношению к словам, которые не следует расценивать по номиналу.

Анализ идей преследует в основном две цели: одна заключается в том, чтобы оценить вес определенной идеи в целостной идеологической системе; другая – в выявлении того, имеем ли мы дело с рационализацией, отличающееся от истинного значения мысли. Примером первой может служить следующая: в гитлеровской пропаганде огромную роль играет акцент на несправедливости Версальского договора; Гитлер искренне возмущался им. Тем не менее если мы проанализируем его политическую идеологию в целом, мы увидим, что в основе ее лежит яростное желание власти и завоеваний, и хотя осознанно Гитлер подчеркивает несправедливость, совершенную в отношении Германии, на самом деле эта мысль

⁸ Рационализация – механизм психологической защиты, при котором в мышлении используется только та часть воспринимаемой информации, и делаются только те выводы, благодаря которым собственное поведение предстаёт как хорошо контролируемое и не противоречащее объективным обстоятельствам.

занимает небольшое место в системе его мышления. Пример различия между сознательно придаваемым смыслом и реальным психологическим значением мысли может быть найден при анализе доктрин Лютера, которым мы и займемся в этой главе.

Мы полагаем, что отношение Лютера к Богу основывается на подчинении, связанном с человеческим бессилием. Сам Лютер говорит об этом подчинении как о добровольном, проистекающим не из страха, а из любви. Логически рассуждая, тогда можно утверждать, что это и не подчинение вовсе. Психологически, впрочем, из всей структуры мыслей Лютера следует, что его разновидность любви и веры – на самом деле подчинение; хотя он сознательно определяет характер своей покорности как добровольный и основанный на любви к Богу, Лютер настолько проникнут чувствами бессилия и греховности, что это делает его отношение к Богу отношением подчинения (в точности так, как мазохистская зависимость одного человека от другого часто сознательно именуется «любовью»). Таким образом, с точки зрения психологического анализа возражение, будто Лютер говорит нечто отличное от того, что, как мы считаем, он думает (пусть и неосознанно) имеет мало веса. Мы полагаем, что некоторые противоречия в его системе могут быть поняты только с помощью анализа психологического смысла его концепций.

При последующем анализе доктрин протестантизма я интерпретирую эти религиозные доктрины в соответствии с тем, что они значат в контексте всей системы. Я не цитирую высказывания, противоречащие тем или иным концепциям Лютера или Кальвина, если уверен, что их вес и значение таковы, что на самом деле противоречия отсутствуют. Однако приводимая мной интерпретация основывается не на выборе именно тех цитат, которые в мою интерпретацию укладываются, а на изучении систем Лютера и Кальвина в целом, их психологической основы и отдельных элементов в свете психологической структуры всей системы.

Если мы хотим понять, что нового было в доктринах Реформации, мы должны сначала рассмотреть главные особенности теологии средневековой церкви. При этом мы сталкиваемся с теми же методологическими трудностями, которые уже обсуждались в связи с концепциями «средневекового» и «капиталистического общества»: как в экономической сфере нет резкого перехода от одной формации к другой, так и в теологической сфере нет внезапных изменений структуры. Некоторые доктрины Лютера и Кальвина так сходны с учением средневековой церкви, что временами трудно увидеть существенные различия между ними. Как и протестантизм и кальвинизм, католическая церковь всегда отрицала, что человек только в силу своих добродетелей и достоинств может достичь спасения; она утверждала, что милость Бога – неперенное условие этого. Однако несмотря на общность всех элементов старой и новой теологии, дух католической церкви радикально отличался от духа Реформации, особенно в отношении проблем человеческого достоинства и свободы и влияния на жизнь человека его собственных поступков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.